

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2003

Содержание

1. DUM SPIRO, AGO
2. ПРОГУЛКИ С «КУЛЬТУРОЙ»
3. ПРОГУЛКИ С «КУЛЬТУРОЙ»
4. ФРАГМЕНТЫ
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. РОССИЯ КАК ДЕКОРАЦИЯ
7. СОЦИАЛЬНАЯ ПЬЕСА МАКСИМА ГОРЬКОГО ПО-ПОЛЬСКИ
8. БУЛГАКОВ
9. «ПОРАБОЩЕННЫЙ РАЗУМ» В РОССИИ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

DUM SPIRO, AGO

Короткое предисловие к старой статье

Начать хотя бы с того, что, не будь Ежи Гедройца и “Культуры”, не было бы, наверное, и вот этого журнала, который вы сейчас читаете. Не кто иной, как Гедройц, изо всех сил побуждал своего тезку Ежи Помяновского заняться изданием польского журнала по-русски. В своей статье 1991 г. о Юзефе Чапском (“Континент” №68, 1991), которую “Новая Польша” также намерена перепечатать, я назвала линию “Культуры” “прорусской (антисоветской)”. Такой ее сформировал прежде всего главный редактор журнала. Прорусской — и часто пророссийской — она оставалась и в посткоммунистические годы.

В предисловии к книге Ежи Помяновского “Русский месяц с гаком”, изданной “Институтом литературы” в 1997 г., Гедройц писал:

“Россия для Польши — самая большая и самая трудная проблема. К сожалению, общество о России почти ничего не знает. Оно оперирует только стереотипами: относится к России либо с презрением и неоправданным чувством превосходства, либо по-лакейски — печальное наследство ПНР”.

Замечу: за четыре года, что выходит наш журнал, предназначенный знакомить с Польшей читающих по-русски, но хорошо известный и у себя на родине, кое-что переменялось и в Польше по отношению к России. Именно в эти годы Польша наконец обрела свою “восточную политику” (при правительствах разной политической ориентации), в отсутствие которой Гедройц постоянно упрекал предыдущие правительства (тоже разной политической ориентации). Голос Гедройца был хоть и с запозданием, но услышан. Заметим, сам факт того, что министерство культуры дает деньги на явно не приносящий дохода журнал, — тоже часть этой разумной “восточной политики”.

И польское общество, на мой взгляд, перестало стоять спиной к России, вперившись в одну только мечту-Европу. Об этом свидетельствуют хотя бы разнообразные ответы на анкету “Новой Польши” (последний полученный из них печатается в этом же номере и, на мой взгляд, заслуживает внимания).

Можно сказать, что все это в огромной степени дело рук Ежи Гедройца, которого вот уже три года как нет с нами. Чтобы не пытаться заново сформулировать все, о чем я за годы своей работы в “Континенте” и “Русской мысли” неоднократно писала, предлагаю читателям “Новой Польши” статью 1996 г., написанную к 90 летию Ежи Гедройца.

Девяносто лет — из них полвека во главе “Культуры” и ее книжного издательства. Журнала — не просто журнала, да и издательства — тоже не просто издательства. “Культура” на протяжении десятилетий была главной трибуной вольного польского слова, посольством несуществующего государства (но существующей страны), местом встречи свободных людей разных поколений и разных наций — не только поляков.

Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что во всей истории эмиграции из коммунистического мира — включая и все ее русские “волны” — не было столь значительной, сыгравшей такую роль журнально-издательской деятельности, как труд горстки польских подвижников из парижского пригорода Мезон-Лафит. И столь вобравшей в себя самую суть политической эмиграции. Номера “Культуры” и книги, изданные “Институтом литеацким”, распространявшиеся “до края света”, но главное — на родине, “в краю”, — больше любых эмигрантских организаций содействовали тому, что несколько поколений поляков не забывали или попросту узнавали истинное содержание таких понятий, как свобода, независимость, демократия, открытое общество. Читая “Культуру”, они учились диалогу и полемике, уважению к чужому мнению и умению отстаивать (а главное, иметь) собственное.

“Культура” первой стала вести диалог с русской, украинской и другими эмиграциями, с возникавшими в Восточной Европе оппозиционными и правозащитными движениями. (Позднее этот диалог сделал одним из своих главных направлений “Континент”).

И все пятьдесят лет — практически без отпусков и выходных, редко позволяя себе роскошь заболеть всерьез и надолго, — стоит “у руля” Ежи Гедройц. Хочется прямо так и сказать: “Культура” — это Гедройц. Но так сказать нельзя, потому что это и узкий круг самых ближайших сотрудников, и несколько более широкий — публицистов, участвовавших в выработке направления “Культуры”, и еще более широкий — тех, кто стал печататься у Гедройца, потому что это направление привлекло их, и еще более широкий — читателей, тех, кто гордо говорил (а многие и поныне говорят): “Я воспитывался на „Культуре””.

Кто же, однако, играл главную роль в образовании этих “кругов”, стоя в самой середине и чаще всего помалкивая, доверяя перьям своих публицистов? Кто привлекал авторов, с которыми и сам не во всем был согласен, которые и сами друг с другом не соглашались, а все-таки все вместе создавали оркестр под названием “Культура”? Кто дирижировал оркестром? Так что хоть и нельзя, а скажу: “Культура” — это в первую очередь Ежи Гедройц.

Как это начиналось

Не надо думать, что пока (если бы) не было “Культуры” — не было (бы) и Гедройца. Журналы, которые он издавал в Варшаве в 30-е годы, и сейчас во многом сохраняют свою ценность. Но все-таки это была нормальная деятельность издателя, политика, публициста в нормальной стране, и если бы после войны Польша осталась таковой, то Ежи Гедройцу и нескольким людям, вместе с ним создававшим “Культуру”, не пришлось бы брать на себя подвиг, становиться подвижниками. Думаю, что Гедройц, выдающийся человек, одаренный стратегическим государственным мышлением, стал бы видной личностью в своей стране — главой правительства или лидером оппозиции, но нас бы это не особенно трогало: мало ли видных людей в разных странах...

II Мировая война ударами с запада и — 17 днями позже — с востока отменила бытие Польши как нормальной страны; ялтинский стовор закрепил ненормальность. Когда война кончилась, несколько офицеров отдела пропаганды 2-го корпуса Польских вооруженных сил (“андерсовской армии”), оказавшись после итальянской кампании в Риме, решили издавать книги для эмиграции, которая обещала быть массовой. В своей “Автобиографии в четыре руки” (подготовленной к печати Кшиштофом Помяном) Ежи Гедройц вспоминает:

“Проект создать журнал возник из общих разговоров между Густавом [Херлингом-Грудзинским], Зосей [Зофьей Герц] и мною. Название придумал, кажется, я. „Культуре” предназначалось быть визитной карточкой, цветком в петлицу, и в соответствии с этим она задумывалась как ежеквартальный, скорее чисто литературный журнал. Первый номер мы готовили вместе с Густавом. Но действительно важными были тогда для нас книги”.

Второй корпус эвакуировался в Англию. Издательство — в Париж.

“В Париж мы приехали военными. Только позже, в 1948 году, уже, пожалуй, в последний момент, мы демобилизовались в Кале. Мы старались как можно дальше оттянуть переход в штатскую жизнь, потому что пребывание в армии давало не только жалованье, но и продуктовые карточки”.

Я не собираюсь выписывать еще цитаты и рассказывать историю “Культуры” (интересующийся этим русский читатель найдет рассказ о первых тридцати годах “Культуры” в статье Юзефа Чапского в 12 м номере “Континента”. А счастливчики могут найти ставшие библиографической редкостью три специальных выпуска “Культуры”, изданных по-русски в 1961, 1972 и 1982 гг.). Приведенными цитатами я хотела не только показать, в каких трудных условиях начиналось дело, но и обратить внимание на тон рассказчика, который охарактеризовала бы как более чем сдержанный: никакой патетики, особенно в применении к себе и своему делу. Боюсь, что и на мои слова о подвиге и подвижниках пан Ежи слегка покривится. Но я более подходящей терминологии не нахожу.

И вот мы дожили

Теперь, казалось бы, и пожинать лавры, и почивать на оных. Какая-никакая, а все ж таки Речь Посполитая: и свобода, и независимость, и демократия, и открытое общество, и свободные выборы, и свободная пресса, и многопартийность, и Сейм, и всенародно избираемый президент. (Все есть, но какое-то оно все, я бы сказала, хромое.) Пускай, мол, теперь те, что помоложе, стараются. Там, на родине: теперь у них все возможности...

Но вот интересно: в эти последние — посткоммунистические — годы главный редактор стал даже больше писать, чем прежде. Из номера в номер появляются “Заметки редактора”: лаконичные, крайне конкретные, на темы, которые Ежи Гедройц считает жгучими. Например, ему не раз приходится возвращаться к польской “восточной политике”. Вот и в последнем номере “Культуры” одна из заметок начинается словами: “Проблема поляков в Литве — классический пример отсутствия у польского правительства восточной политики”.

“Заметки редактора” не щадили посткоммунистических некоммунистов, не щадят они и посткоммунистических экс-коммунистов. Но в любом случае Ежи Гедройц не ограничивается указанием, где что хромает, — практически всегда у него находится разумное, в точку попадающее предложение. Древнее изречение “Пока дышу, надеюсь” он мог бы заменить словами: “Пока дышу — действую”.

“Русская мысль” №4136, 1996, 25–31 июля

Перепечатывается с незначительными сокращениями

ПРОГУЛКИ С «КУЛЬТУРОЙ»

«— Большой? — Нет. — Малый? — Да. — Один? — Да. — Когда? — Сразу. — Где? — Как обычно...» Телефонный диалог (ибо он велся по телефону) двух шпионов? Шифр тайной организации? Ни то, ни другое.

Нечто совершенное иное. И куда проще: точная запись разговора, которую двое серьезных мужчин, живущих недалеко друг от друга в одном и том же районе Брюсселя, вели довольно часто, обычно после ужина, то есть в вечернюю пору, летом и зимой, даже в легкий дождь и неопасный мороз.

В нем не было ничего таинственного. Речь шла о... прогулке. Слова «большой» и «малый» означали длину «круга», то есть один из двух обычных, вне зависимости от времени и погоды, маршрутов прогулки; вопрос «Один?» относился к возможному участию обеих жен; «Когда?» должно было определить момент выхода из дома и встречи; «как обычно» — примерно на полпути между резиденциями обеих высоких договаривающихся сторон.

Этот диалог — ныне, возможно, не столь частый, как прежде (годы берут свое), — продолжается уже свыше трех десятилетий. Войцеха Скальмовского, профессора, лингвиста, востоковеда, литературоведа и литературного критика, и находящегося на другой стороне телефонного провода автора этих строк, журналиста и публициста, связали несколько рациональных элементов и одна великая страсть. В рациональном отношении речь шла о том, чтобы в прогулке найти отдых после целого дня сидения над текстами. Своими и, что хуже, чужими. Опять-таки рационально говоря, оба господина в некотором смысле дополняли друг друга. У них было — и есть — схожее, язвительное чувство юмора; оба любят дурно говорить о ближних, но и о себе тоже. Скальмовский способен часами невероятно увлекательно рассказывать о древней Персии, обо всех Кирах и Дариях, чудесах и богатствах Персеполя, ну и о нашествии гуннов и монголов, то есть о временах, когда аятоллы там еще не появились. Но умеет он также, полностью рассеивая текущие сомнения и преодолевая белые пятна в образовании журналиста, убедительно объяснить, откуда аятоллы взялись в сегодняшнем Иране и что из этого вытекает для мира (судя по всему, ничего хорошего).

Общая же страсть относилась к польскому эмигрантскому журналу под названием «Культура» и его создателю и редактору, родившемуся в Белоруссии, в польской семье с литовскими корнями, по имени и фамилии Ежи Гедройц. Оба мы были его сотрудниками, оба печатались под псевдонимами: Скальмовский подписывал свои статьи по литературе «М.Бронский», Унгер под своей политической публицистикой подписывался (вначале, потом вернулся к своей фамилии) «Брюсселец».

В начале было слово. Слово Гедройца. Тогда, в 1969 г., хоть мы и жили, собственно говоря, неподалеку друг от друга, но знакомы не были. Незнакомство продолжалось недолго. Начало было почти банальным. 10 марта 1971 г. Ежи Гедройц написал мне: «В Лувене есть очень интересный человек, Войцех Скальмовский. Это выдающийся востоковед и литературовед. Пишет под псевдонимом “Бронский”. Мечтает познакомиться с “Брюссельцем”. Я Вас не деконспирирую, потому что не знаю, хотите ли вы этого, но если да (а думаю, стоит), сообщаю адрес...»

Действительно, подумал я, судя по тому, что человек пишет, наверняка стоит, а дальше увидим. И вот, не зная человека, а только, как и он, автора, через три дня я отвечал на письмо: «Со Скальмовским познакомлюсь очень охотно. Это может быть отдохновением после профессиональных встреч». Я не знал, насколько я прав. Не знал и Скальмовский.

Все это: наши прогулки и более чем 30 летняя дружба — началось с этого журнала и его редактора. 30 лет все наши разговоры начинались с вопроса: «Были у тебя в последнее время известия от “дорогого пана”?» — так мы называли Гедройца, который этими словами обращался во всех письмах к нам, да и к другим тоже.

Сегодня журнала и его редактора уже нет (14 сентября 2003 г. исполнилось три года со дня двойной смерти — и «Культуры», и ее основателя). Наши прогулки — и наше язвительное чувство юмора — продолжают. Мы — двое близких и верных друзей, уже малочисленных, увы, ветеранов «Культуры». И в наших разговорах «Культура» и Гедройц по-прежнему занимают свое место.

Ничего удивительного. Гедройц и «Культура» сыграли в нашей жизни куда большую роль, чем обычно играет в жизни двух взрослых людей какой-то редактор и какое-то его издание. Это было одновременно вызовом и миссией. Нечто, чему без всякой материальной компенсации ты не колеблясь жертвовал

выходными и даже отпусками, собственно всем (за исключением прогулок) свободным временем, какое нам оставляли профессиональные, приземленные занятия ради заработка.

ПРОГУЛКИ С «КУЛЬТУРОЙ»

«— Большой? — Нет. — Малый? — Да. — Один? — Да. — Когда? — Сразу. — Где? — Как обычно...» Телефонный диалог (ибо он велся по телефону) двух шпионов? Шифр тайной организации? Ни то, ни другое.

Нечто совершенное иное. И куда проще: точная запись разговора, которую двое серьезных мужчин, живущих недалеко друг от друга в одном и том же районе Брюсселя, вели довольно часто, обычно после ужина, то есть в вечернюю пору, летом и зимой, даже в легкий дождь и неопасный мороз.

В нем не было ничего таинственного. Речь шла о... прогулке. Слова «большой» и «малый» означали длину «круга», то есть один из двух обычных, вне зависимости от времени и погоды, маршрутов прогулки; вопрос «Один?» относился к возможному участию обеих жен; «Когда?» должно было определить момент выхода из дома и встречи; «как обычно» — примерно на полпути между резиденциями обеих высоких договаривающихся сторон.

Этот диалог — ныне, возможно, не столь частый, как прежде (годы берут свое), — продолжается уже свыше трех десятилетий. Войцеха Скальмовского, профессора, лингвиста, востоковеда, литературоведа и литературного критика, и находящегося на другой стороне телефонного провода автора этих строк, журналиста и публициста, связали несколько рациональных элементов и одна великая страсть. В рациональном отношении речь шла о том, чтобы в прогулке найти отдых после целого дня сидения над текстами. Своими и, что хуже, чужими. Опять-таки рационально говоря, оба господина в некотором смысле дополняли друг друга. У них было — и есть — схожее, язвительное чувство юмора; оба любят дурно говорить о ближних, но и о себе тоже. Скальмовский способен часами невероятно увлекательно рассказывать о древней Персии, обо всех Кирах и Дариях, чудесах и богатствах Персеполя, ну и о нашествии гуннов и монголов, то есть о временах, когда аятоллы там еще не появились. Но умеет он также, полностью рассеивая текущие сомнения и преодолевая белые пятна в образовании журналиста, убедительно объяснить, откуда аятоллы взялись в сегодняшнем Иране и что из этого вытекает для мира (судя по всему, ничего хорошего).

Общая же страсть относилась к польскому эмигрантскому журналу под названием «Культура» и его создателю и редактору, родившемуся в Белоруссии, в польской семье с литовскими корнями, по имени и фамилии Ежи Гедройц. Оба мы были его сотрудниками, оба печатались под псевдонимами: Скальмовский подписывал свои статьи по литературе «М.Бронский», Унгер под своей политической публицистикой подписывался (вначале, потом вернулся к своей фамилии) «Брюсселец».

В начале было слово. Слово Гедройца. Тогда, в 1969 г., хоть мы и жили, собственно говоря, неподалеку друг от друга, но знакомы не были. Незнакомство продолжалось недолго. Начало было почти банальным. 10 марта 1971 г. Ежи Гедройц написал мне: «В Лувене есть очень интересный человек, Войцех Скальмовский. Это выдающийся востоковед и литературовед. Пишет под псевдонимом “Бронский”. Мечтает познакомиться с “Брюссельцем”. Я Вас не деконспирирую, потому что не знаю, хотите ли вы этого, но если да (а думаю, стоит), сообщаю адрес...»

Действительно, подумал я, судя по тому, что человек пишет, наверняка стоит, а дальше увидим. И вот, не зная человека, а только, как и он, автора, через три дня я отвечал на письмо: «Со Скальмовским познакомлюсь очень охотно. Это может быть отдохновением после профессиональных встреч». Я не знал, насколько я прав. Не знал и Скальмовский.

Все это: наши прогулки и более чем 30 летняя дружба — началось с этого журнала и его редактора. 30 лет все наши разговоры начинались с вопроса: «Были у тебя в последнее время известия от “дорогого пана”?» — так мы называли Гедройца, который этими словами обращался во всех письмах к нам, да и к другим тоже.

Сегодня журнала и его редактора уже нет (14 сентября 2003 г. исполнилось три года со дня двойной смерти — и «Культуры», и ее основателя). Наши прогулки — и наше язвительное чувство юмора — продолжают. Мы — двое близких и верных друзей, уже малочисленных, увы, ветеранов «Культуры». И в наших разговорах «Культура» и Гедройц по-прежнему занимают свое место.

Ничего удивительного. Гедройц и «Культура» сыграли в нашей жизни куда большую роль, чем обычно играет в жизни двух взрослых людей какой-то редактор и какое-то его издание. Это было одновременно вызовом и миссией. Нечто, чему без всякой материальной компенсации ты не колеблясь жертвовал

выходными и даже отпусками, собственно всем (за исключением прогулок) свободным временем, какое нам оставляли профессиональные, приземленные занятия ради заработка.

ФРАГМЕНТЫ

Войцех Скальмовский — не только видный иранист, но и политолог, знаток и критик идеологий, советолог, хотя ни одной из этих областей (за исключением иранистики) он не посвятил отдельных книг. Однако достаточно заглянуть в его «Тексты и поводы», книгу, где в принципе собраны только книжные рецензии, притом лишь за определенный период (1972–1979), чтобы убедиться в широте интересов и знаний автора. А также в его уме и вольтеровском чувстве юмора. Пусть эти фрагменты станут образчиком его стиля и взглядов на вопросы отнюдь не устарелые.

•

Идеологическое всезнание порождает такие же парадоксы, как богословское всемогущество: «Может ли Господь Бог создать такой тяжелый камень, чтобы Он Сам не мог его поднять?» Создатели концепции генеральной реформы мира решают этот парадокс довольно просто: создают камень и приказывают другим поднять его.

•

Характерная черта левой идеомании — наглая моралистика: «гуманизм», «забота о человеке» и т.п. Не говоря уже о том, что во имя идеалов уничтожено больше людей, чем просто ради грабежа или по злобе, «моральное превосходство» — замечательный способ компенсировать собственную неполноценность и чувство краха. Хоть и не всегда, но часто бывает так: если не можешь превзойти их нормально, превзойди морально... Иначе говоря, подозреваю, что речь здесь в значительной степени идет о заурядном желании господства над ближними под красивым предлогом.

•

Основа идеологий, несмотря на видимость интеллектуальных конструкций, эмоциональна, а вдобавок наподобие «общих теорий всего», идеологии априорно объясняют всё, включая аргументы противника. Кто отвергает детерминизм «классового сознания» марксистов, тот сам себя разоблачает как реакционер, направляющийся на свалку истории; кто сомневается в вездесущести фрейдовских комплексов, тот лишь подтверждает собственную закомплексованность; кто

ставит под вопрос ницшеанское деление на сверхчеловеков и рабов, тот автоматически зачисляет себя в рабы. Для определенного типа ума эта неопровержимость идеологий представляет главную их привлекательность (т.н. железная логика), хотя уже давно было замечено (Карлом Поппером), что именно эта черта отличает лженауку от науки. Любую научную теорию можно, по крайней мере потенциально, верифицировать, т.е. сопоставить с фактами, которые ей противоречат; лжетеории заведомо непроницаемы для контраргументов. Обычно они пропитывают этой непроницаемостью и головы своих исповедников.

.

По моему убеждению, человек имеет моральное право говорить только от своего имени, т.е. как представитель рода человеческого в таком виде, в каком этот род существует в настоящее время — *hic et nunc*. Любая другая позиция, любая другая точка зрения в самом буквальном смысле слова бесчеловечна, неважно, от чьего имени ее высказывают — постулированного «нового человека», группы блондинов с васильковыми глазами или же, например, рыб (есть у Лема новелла, иллюстрирующая этот последний случай). Выходя за рамки нормального человечества, ты выходишь за рамки морали.

.

Характерно искаленный язык, одновременно схематичный и мутный, — такая же типичная черта коммунизма, как однопартийность, власть полиции и экономическая недееспособность граждан. Однако поскольку генетически он явление более раннее (коммунисты пользовались этим языком еще до своего прихода к власти), кажется, будто он относится к самой сути как доктрины, так и психики людей, пропагандирующих эту доктрину. Этот характер феномена на границе мира вещей и мира мысли придает ему ореол чего-то магического, таинственного и, вопреки отталкивающим чертам, — скуке и уродству — завлекательного.

.

Жаргон пропаганды — паразитическое явление; он пользуется языковыми средствами лишь с целью достичь временных результатов — и добивается этого именно потому, что обходит некоторые лингвистические правила (например, неизменность значений слов и оборотов). В его интересах, таким образом, лежит частая смена используемых приемов, прежде чем они

будут раскрыты (общий принцип всякого мошенничества), и так оно и происходит; классический тому пример — периодические изменения названий тайной полиции, вызванные тем, что каждый новый эвфемизм («главное управление», «органы» и т.п.) в нормальном языковом обиходе быстро девальвируется и приобретает характер нормального обыденного названия со зловещим содержанием.

.

Как все доктрины, формулируемые людьми в сапогах, теория т.н. социалистического реализма представляет собой отталкивающую смесь невежества, туманности и полуинтеллигентского жаргона; тем не менее в инвентаре современных идей ее следует учесть по тому же принципу, по какому на хорошем земельном плане должно быть указано размещение сточных канав.

Войцех Скальмовский родился 24 июня 1933 в Познани. В 1951–1956 изучал востоковедение в краковском Ягеллонском университете. Затем закончил аспирантуру Берлинского университета им. Гумбольдта по иранистике. Работал на кафедре общего языкознания Ягеллонского университета, был членом комиссии языкознания Польской Академии наук. Кроме научных трудов с 1966 г. публиковал книжные рецензии в «Тыгоднике повсехном».

В 1968 г. принял решение эмигрировать, поселился в Бельгии и начал читать лекции в Лувенском католическом университете. Сотрудничал с парижской «Культурой». Статьи, публиковавшиеся там под псевдонимом «Мацей Бронский», вышли отдельным изданием («Тексты и поводы», 1981). В «Культуре» печатал также переводы с французского, русского, английского и украинского языков.

В эмиграции получил премию Фонда Костельских и дважды премию «Культуры».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Главное статистическое управление опубликовало отчет об итогах всеобщей переписи, проводившейся в 2002 году. Население Польши составило 38,23 млн. человек. (“Тыгодник повшехный”, 29 июня)
- За последние 15 лет почти вдвое выросло число конкубинатов — пар, живущих вместе без заключения брака; на полмиллиона увеличилось число одиноких родителей — сегодня уже каждый пятый ребенок растет в так называемой неполной семье. На полмиллиона сократилось количество семей, где есть дети. В полтора раза выросло число людей, живущих на пенсии и пособия: на 100 работающих поляков приходится 87 пенсионеров и людей, получающих пособия из собесов. В каждой второй семье основной источник дохода — деньги, выплачиваемые государством. На 5 миллионов уменьшилось число людей, живущих своим трудом. С 700 до 70 тысяч сократилось число работающих, не имеющих образования. Каждый десятый поляк имеет высшее образование — в течение 15 лет доля получивших вузовские дипломы повысилась с 7,2% до 10,2%. Такая картина Польши вырисовывается из итогов всеобщей переписи населения, проведенной в мае 2002 г. (“Впрост”, 29 июня)
- Итоги переписи комментирует известный социолог проф. Эдмунд Внук-Липинский: “Мы стареем, наш средний уровень образования растет. Мы в значительно большей степени, чем полтора десятилетия назад, живем в городах. А наша личная жизнь характеризуется все более свободными нравами. Это самые заметные перемены, происшедшие в польском обществе в течение последних лет”. (“Жечпосполита”, 26 июня)
- В рейтинге 175 стран, приведенном в новом ежегодном докладе об уровне жизни людей, подготовленном по заказу Программы развития ООН (“UN Human Development Report 2003”), Польша занимает 35-е место. В то же время Польша входит в группу тех развивающихся стран, где особенно выросла бедность среди населения. По мнению Ирены Вуйтицкой из Института исследований рыночной экономики, за официальной чертой бедности в 2001 г. находилось 15% поляков. (“Жечпосполита”, 10 июля)

- На греческом курорте Порто-Каррас состоялась встреча глав государств и правительств стран Евросоюза — первая, где Польша выступила в качестве полноправного участника. (“Тыгодник Повсехный”, 29 июня)

- “Польша станет Европой не тогда, когда мы изменим свое законодательство в соответствии с требованиями Страсбурга и Брюсселя, а когда у нас возродится порядочность в повседневной политической жизни. (...) Пока среди лиц, занимающих высокие государственные посты, общепринятым остается принцип поведения, согласно которому все, что не запрещено законом, является морально дозволенным и может быть рекомендовано для применения на практике, пропадает достоинство и уважение к государственному учреждению. А между прочим, представитель государственного учреждения должен вести себя в соответствии с императивом, не допускающим некоторых видов поведения, даже если в законодательстве ничего о них не сказано”. (Тадеуш Славек, “Тыгодник повсехный”, 22 июня)

- По мнению кинорежиссера Казимежа Куца, “в Польше быстрее развивается деморализация, нежели демократия. В Европе требуются иные нормы демократии. Требуется честность, порядочность. К нашему счастью, в этой огромной машине [Евросоюза] мы подвергнемся чистке. Кто не выдержит экзамена, слетит со своего поста. (...) Нужны будут люди с двойными квалификациями — как интеллектуальными, так и этическими. И это станет для Польши спасением. Нужно, чтобы общество пробудилось от спячки и начало принимать в этом участие. Начало за что-то бороться. За что? За порядочность. За справедливость и гласность. И признаки этого уже видны”. (“Жечпосполита”, 28–29 июня)

- Адриан Северин, бывший министр иностранных дел Румынии, ныне председатель Парламентской ассамблеи ОБСЕ: “Стратегический союз с Америкой, привилегированное партнерство с Германией и Францией, здоровые отношения с Россией, дружеские договоренности с другими государствами Центральной Европы — вот краеугольные камни, на которые опирается внешняя политика Польши. (...) Сразу же после принятия решения о поддержке американской политики в Ираке Польша убедительно обосновала этот выбор, сославшись на следующие идейные принципы: готовность к непримиримой борьбе против тоталитаризма; неприятие какой бы то ни было российско-европейской договоренности, направленной против США; забота об энергетической

безопасности путем сохранения сбалансированности в контроле мировых сырьевых запасов. Одновременно она направила свой воинский контингент для участия в боях в районе Персидского залива. Таким образом Варшава сумела избежать всякой двусмысленности в определении своей позиции. (...) Польша выступила как достойный доверия посредник между США и Германией, между Америкой и Европой — вот свидетельство масштаба того значения, которое сумела завоевать себе эта страна. Подобная позиция позволила Польше взять на себя роль эффективного адвоката, выступающего за упрочение места на европейском континенте для таких стран, как Украина, Белоруссия и даже Молдавия”. (“Жечпосполита”, 17 июня)

- Россия заявила о своей готовности оказать Польше помощь в проведении стабилизационной миссии в Ираке. Секретарь Совета национальной безопасности РФ Владимир Рушайло в ходе встречи с главой польского Бюро национальной безопасности Марек Сивецом сказал: “У России есть опыт в проведении операций в Афганистане и Чечне, которым мы можем поделиться с польскими войсками”. (“Трибуна”, 11 июня) “Могут ли эти образцы пригодиться нашим войскам в Ираке?” (Мартин Босацкий, “Газета выборча”, 11 июня)

- По мнению министра Марека Сивеца, “Ирак хорошо известен различным российским структурам, и потому опыт российской стороны весьма ценен”. Владимир Рушайло добавил: “Мы считаем, что контакты на уровне министерств обороны и ведомств безопасности Польши и России уменьшат потери со стороны как гражданского населения, так и международных сил”. Московский военный комментатор Виктор Литовкин говорит: “Россия на протяжении десятилетий тесно сотрудничает с Ираком. Наши эксперты хорошо знают, “кто есть кто” в иракских провинциях, с кем можно и стоит сотрудничать, кому можно доверять, а кому нет. Мы можем предоставить полякам эту информацию. У нас есть и свои люди в Ираке: иракские гражданские и военные специалисты учились в советских военных академиях, а еще до 1990 г. наши советники обучали их в самом Ираке”. (“Газета выборча”, 11 июня)

- Дариуш Росати, бывший министр иностранных дел Польши, член Совета монетарной политики (СМП): “Весь скандал вокруг Ирака позволил немцам и французам осознать, что теперь с поляками нужно разговаривать, а некоторые вещи просто согласовывать. Парадоксальным образом этот эпизод может наделить новым содержанием сотрудничество в рамках так

называемого Веймарского треугольника [Франция — Германия — Польша]”. (“Газета wyborча”, 17 июня)

- Многонациональная дивизия “Центр—Юг”, расквартированная в польском секторе Ирака, будет насчитывать около 9200 солдат из 19 государств. Она состоит из трех бригад. В состав польской бригады, кроме самих поляков, будут входить болгары, румыны, латыши, словаки, литовцы и венгры. В испанскую бригаду, помимо 1300 испанцев, предполагается включить солдат из Гондураса, Сальвадора, Доминиканской Республики и Никарагуа. В украинской бригаде, кроме 1800 украинцев, будут поляки. В состав командования дивизией, насчитывающего 220 офицеров, кроме ста с лишним поляков и офицеров из других перечисленных выше стран, будут входить датчане, норвежцы, голландцы, англичане и американцы. (“Жечпосполита”, 30 июня)

- Министры обороны государств-членов НАТО приняли решение разместить центр подготовки современных вооруженных сил НАТО в Быдгоще. (“Газета wyborча”, 13 июня)

- Президент Владимир Путин назвал свою встречу с президентом Александром Квасневским в Калининграде “необычайной”. Александр Квасневский — первый глава государства-члена НАТО, который наблюдал маневры российских ВМС, крупнейшие за последние 20 лет. (“Жечпосполита”, 30 июня)

- Польское министерство инфраструктуры заключило соглашение о сотрудничестве с Госкомитетом по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству РФ. Российская сторона хочет, чтобы польские специалисты участвовали в осуществлении проектов реставрации памятников архитектуры в России, а также ожидает участия польских девелоперских фирм в жилищном строительстве. (“Газета wyborча”, 30 июня)

- Польша введет визовый режим для граждан Белоруссии, России и Украины не с 1 июля 2003 г., как это планировалось, а тремя месяцами позже. Главным спорным моментом в польско-российских переговорах остается размер оплаты за визу. Вначале поляки предлагали, чтобы оплата составляла эквивалент нескольких евро, тогда как российская сторона хотела выдавать визы по цене 40 долларов. Польша заявила, что в вопросах визовых оплат она будет применять принцип взаимности. В свою очередь Россия дала понять, что согласилась бы на снижение ставки примерно до 18 долларов за

однократную и 60 ти — за многократную визу. Польша уже достигла договоренности с Украиной. Украина отказалась вводить визы для поляков, когда Польша согласилась предоставлять украинцам бесплатные визы. (“Жечпосполита”, 12 июня)

- Во время визита на Украину президент Александр Квасневский вместе с президентом Леонидом Кучмой принял участие в во 2 й Конференции глав государственных областных администраций Украины с маршалами (главами администрации) воеводств Польши, на которой заявил, что Польша “в качестве страны-члена Евросоюза будет искать решения, которые позволят Украине включиться в сотрудничество с ЕС”. (“Жечпосполита”, 24 июня)

- “Мы хотим открыть Украине и Молдавии перспективу членства в Евросоюзе”, — заявил министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич. В то же время он предостерег украинцев и молдаван от чрезмерного оптимизма и слишком больших ожиданий. В ближайшее время они не смогут рассчитывать на обещание принять их в члены ЕС. (“Газета wyborча”, 2 июля)

- Польский Сейм и украинская Верховная Рада в канун 60 й годовщины трагических событий на Волыни [убийство украинскими националистами около 60 тысяч поляков] одновременно приняли общее согласованное заявление, в котором говорится: “Правда о тех драматических годах болезненна для всех, однако поляки и украинцы должны ее узнать. Правда, пусть самая трагическая, необходима для построения прочного взаимопонимания”. (“Жечпосполита”, 11 июля)

- В довоенном местечке Порыцк, ныне Павливке, в ходе торжественной церемонии, посвященной годовщине волынской трагедии, Александр Квасневский напомнил: “В большинстве жертвы были среди незащищенного гражданского населения, причем нередко людей убивали с ужасной жестокостью. (...) В резне польского населения нельзя обвинять украинский народ. Нет виновных народов. За преступления и злодеяния ответственность всегда несут конкретные люди. Однако здесь следует выразить нравственный протест против идеологии, которая привела к “антипольской операции”, начатой частью Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. (...) За кровь расплачивались кровью. От рук поляков гибли украинские братья и соседи. (...) Вчера слова примирения были сказаны парламентами Украины и Польши. (...) Мы вновь находим то, что нас объединяет”.

Президент Украины Леонид Кучма сказал: “Память о погибших волынских поляках, о всех жертвах тех событий, должна сохраниться в наших сердцах. (...) Точно так же и наше население гибло в 40-е годы. (...) Нельзя оправдать акты насилия по отношению к гражданскому населению, женщинам и детям, даже если их инициаторы считали, что они руководствуются светлой целью, которой была для них свобода нации”. (“Газета wyborcza”, 12-13 и 14 июля)

- В 2002 г. статус беженца в Польше хотели получить 5153 человека, а получили 280. Всего в Польше проживает около 1500 официально признанных беженцев, а заявлений подано в 20 раз больше. (“Газета wyborcza”, 16 июня)

- Проф. Ян Винецкий: “В Польше и Германии на одного работающего в среднем приходится самое низкое число рабочих часов в год — 1530. Чехи, которые богаче нас в историческом смысле, так как у них больше накопленного богатства, а также несколько более высокая, чем у нас, производительность труда, работают около 1900 часов в год. (...) Они пока становятся на ноги, но признают это. Мы тоже становимся на ноги, но этого не признаём”. (“Газета польска”, 25 июня)

- Богуслав Грабовский, член Совета монетарной политики: “Из года в год возрастает внутренний долг. (...) В прошлом году он составил уже 47% ВВП. (...) Дело обстоит так, будто мы все время живем не по средствам: мы не только постепенно распродаем все свое имущество, но на часть расходов еще и берем кредит. Большинство из нас никогда не довело бы семейный бюджет до подобной катастрофы”. (“Ньюсуик-Польша”, 15 июня)

- Анджей Садовский, вице-президент Центра им. Адама Смита: “Ликвидируются простые формы налогообложения миллионов предпринимателей — для них придумывают все больше и больше правил и инструкций, их заставляют обеспечивать сбыт производителям налоговых кассовых аппаратов. Постоянно возрастает налогообложение основного для них фактора развития — человеческих способностей. Помимо зарплаты, работодатель обязан выплачивать на каждого работника поборы, достигшие уровня 90% от зарплаты нетто. (...) На плечи польского предпринимателя перекладывают расходы на функционирование государства: от бездействующих судов, где нельзя добиться эффективной защиты от невыполнения контрактных обязательств, до системы пенсионного обеспечения. Тысячи фирм вынуждены закупать компьютеры только для того, чтобы заниматься на

них заполнением всевозможных формуляров и отсылкой их по Интернету”. (“Жечпосполита”, 2-3 августа)

- Из письма в редакцию: “Я и моя небольшая фирма, ведя хозяйственную деятельность и с огромным трудом зарабатывая деньги, боремся с государством, которое стремится свести на нет все наши усилия, а людей вышвырнуть на мостовую. Я вынуждена защищаться. Благодаря характеру своей деятельности я имею возможность перенести фирму в другую страну, чем сейчас и занимаюсь. Таких, как я, гораздо больше. Писать о том, кто от этого потеряет, было бы банально”. (Кристина ван Дер, “Жечпосполита”, 21-22 июня)

- Подал в отставку министр финансов Гжегож Колодко. На его место в правительство был назначен Анджей Рачко (бывший в свое время в том же ведомстве заместителем министра Марека Бельки). Вице-премьером и координатором всех хозяйственных министерств и ведомств стал Ежи Хауснер (до этого министр экономики, труда и социальной политики). (“Тыгодник повшехный”, 22 июня)

- Следственная комиссия Сейма, расследующая коррупционную аферу, связанную с именем крупнейшего кинопродюсера Льва Рывина, закончила слушания премьер-министра Лешека Миллера. Член комиссии Ян Рокита, депутат от “Гражданской платформы”, обнародовал документ, из которого следует, что исчезновение одной формулировки из текста законопроекта о СМИ было не чисто технической ошибкой (как утверждал Миллер), а результатом сознательных действий. (“Тыгодник повшехный”, 29 июня)

- Ян Рокита, член следственной комиссии Сейма: “Ключевые для государства вопросы, в которых заинтересованы частные фирмы, решают совместно премьер, президент или министры с участием какой-либо из заинтересованных сторон. Если в Польше такое положение стало нормой, значит мы имеем дело не с отдельным случаем коррупции, а с коррумпированной демократией. (...) Это вариант Ельцина. В Европе такое даже представить себе невозможно. Это непохоже на государство, это непохоже даже на добросовестное управление акционерным обществом с ограниченной ответственностью”. (“Жечпосполита”, 14-15 июня)

- Кинорежиссер Войцех Марчевский: “По всей вероятности, афера Рывина никогда не будет выяснена до конца, но меня это не очень волнует. Тревожит меня то, что обнаружилось в связи с ней: образ мыслей. Этот процесс, как у Кафки, мог бы

продолжаться всю жизнь. В течение следующих двадцати лет можно было бы допрашивать все новых и новых свидетелей. Везде прячутся какие-то грязные и чудовищные делишки; чего бы ни коснуться, везде вылезают на свет Божий частные интересы, ложь и обман. Все запятнано, нет никаких авторитетов”. (“Жечпосполита”, 21-22 июня)

- Староста Стараховицкого повета и по совместительству председатель отделения “Союза демократических левых сил” (СДЛС), связанный с местной организованной преступной группировкой, был предупрежден по телефону о том, что Центральное следственное бюро намерено его арестовать. А предупредил его депутат Сейма от СДЛС и заместитель председателя воеводского отделения партии Анджей Ягелло. Он сослался при этом на сведения, полученные им от заместителя министра внутренних дел и администрации (и по совместительству депутата Сейма от той же партии) Збигнева Собутко (в свое время кандидата в члены политбюро ЦК ПОРП). Разговор был подслушан и записан полицией, а запись опубликована газетой “Жечпосполита”. “Дело дошло до того, что граждане и полиция вынуждены подслушивать и записывать разговоры власть имущих и их представителей, чтобы уберечь себя от коррупционных предложений и беззакония”, — констатирует бывший министр внутренних дел в первом некоммунистическом правительстве Польши, ныне сенатор Кшиштоф Козловский. (“Тыгодник повшехный”, 13 июля)

- Впервые в истории III Речи Посполитой Сейм дал согласие на арест одного из депутатов. За лишение Анджея Ягелло депутатской неприкосновенности голосовало 332 парламентария, против — 13. (“Жечпосполита”, 30 июля)

- “Изготовление поддельных документов, вымогательство, коррупция, препятствование отправлению правосудия, склонение к даче ложных показаний, клевета, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения — это лишь некоторые из обвинений, предъявляемых прокуратурой депутатам Сейма. Каждого из них защищает депутатская неприкосновенность, и потому все уголовные расследования и процессы должны вестись с ведома и согласия Сейма (если только сам парламентарий не откажется от своего иммунитета). В ходе работы Сейма текущего созыва уже поступило девять запросов о лишении депутатской неприкосновенности (...) Против 16 депутатов уголовные дела были возбуждены еще до выборов”. (Агнешка Загнер, “Политика”, 19 июля)

- Сейм принял поправки к Уголовному кодексу, направленные на ужесточение борьбы с коррупцией. Самое важное и наиболее спорное из принятых решений — это гарантия безнаказанности взяточдателю, если он сообщит об этом следственным органам. Другое важное изменение: суд будет иметь право принять решение о конфискации всего имущества, которое преступник приобрел со дня совершения преступления до дня оглашения обвинительного приговора, если он извлек из своего преступления значительную материальную выгоду (более 20 минимальных заработных плат — сегодня эта сумма составляет 160 тыс. злотых). Виновник преступления будет иметь возможность сохранить только то имущество, законность приобретения которого сумеет доказать. Презумпция, что имущество было приобретено на деньги, полученные в результате преступления, будет распространяться также на все, что преступник передаст третьим лицам. Под уголовную ответственность будет подпадать также коррупция в частных фирмах и коррупция, связанная с различного рода голосованиями. (“Газета wyborча”, 14-15 июня)

- Сейм проголосовал за вотум доверия правительству Лешека Миллера. “За” проголосовало 236 депутатов (СДЛС, “Уния труда” и “парламентский планктон” — мелкие фракции и независимые депутаты), против — 213 (“Право и справедливость”, “Гражданская платформа”, крестьянская партия ПСЛ, “Лига польских семей” и “Самооборона”). (“Тыгодник повшехный”, 22 июня)

- Проф. Ежи Вятр, социолог политической жизни, член Всепольской комиссии по этике СДЛС: “...у правительства не только плохая репутация, оно еще слишком часто меняет свой состав. С момента создания кабинета на министерских постах сменилось 11 человек, в том числе в трех министерствах — дважды. (...) СДЛС стал партией власти. В эту партию широким потоком полились люди, для которых политика — это только борьба за власть. Для них нет и речи о служении обществу, об осуществлении некоей миссии — это лишь игра, ставкой в которой является власть и связанные с ней привилегии (необязательно финансовые). (...) Я знаю людей, готовых функционировать в составе любой структуры, если только это дает им власть и материальную выгоду. На этой почве возникает и коррупция. (...) Это люди, для которых возможность разбить чью-то жизнь становится источником огромного удовлетворения, ибо дает ощущение силы. Именно такого покроя люди идут в партию власти. То есть не только те, кто хочет урвать какие-то деньги, но и те, кто хочет

властвовать. (...) В СДЛС проявилось действие известного закона Коперника об обращении денег: “плохие” деньги вытесняют из обращения “хорошие”, полноценные. Безыдейные, морально ничтожные люди вытесняют лучших. Почему? Потому что у них нет сдерживающих моральных принципов, они не чувствуют угрызений совести. (...) Болезнь СДЛС заключается в стремлении заменить государство партией. Не было бы аферы Рывина, если бы не было действий, направленных на создание партийной структуры, контролирующей аудиовизуальные СМИ”. (“Газета выборча”, 23 июня)

- Раздача постов в государственной администрации в соответствии с политической принадлежностью, проведение чисток в государственных административных учреждениях — эти обвинения по адресу правительства Лешека Миллера содержатся в отчете “Государственная администрация в III Речи Посполитой — критические пункты”, составленном в рамках “Программы против коррупции” Фонда им. Стефана Батория. (“Жечпосполита”, 25 июня)

- Активисты СДЛС и ПСЛ вынудили уйти в отставку министра сельского хозяйства и руководителя крупнейшего правительственного агентства, так как из него были уволены несколько сот их родных и знакомых. “Ошибка прежнего председателя Агентства реструктуризации и модернизации сельского хозяйства была тем более непростительной, что длинный список лиц, которых нельзя снимать с занимаемых ими должностей, он получил уже после своего назначения”. (Иоанна Сольская, “Политика”, 9 июля)

- Список лиц, которых политики СДЛС и ПСЛ запретили увольнять из вышеназванного агентства (АРМСХ), обнародовал ее уволенный председатель. Ромуальд Айхлер из СДЛС признал, что принимал участие в составлении этого списка. (“Жечпосполита”, 9 июля)

- В отчете Верховной контрольной палаты, касающемся АРМСХ, утверждается, что более 500 человек не должны работать в этом агентстве. (“Жечпосполита”, 9 июля)

- “Президент взбешен, потому что Лешек Миллер в интересах своих товарищей по партии избавляется от квалифицированных чиновников”. (“Ньюсуик-Польша”, 6 июля)

- Президент Александр Квасневский в выступлении перед делегатами II съезда СДЛС: ““Союз демократических левых

сил” уже немало испытал в своей истории и страдает болезнью политической группировки, для которой власть стала целью, а не средством”. (“Жечпосполита”, 1 июля)

- По опросу ЦИОМа, 74% поляков считают неудовлетворительным стиль деятельности парламентских фракций в Сейме. Только 26% опрошенных не обвиняют хотя бы одну фракцию в том, что ее депутаты компрометируют польский парламентаризм. Наибольшее число негативных мнений относится к “Самообороне” и “Лиге польских семей”. На третьем месте оказался СДЛС. Меньше всего отрицательных оценок получили “Гражданская платформа” и “Право и справедливость”. (“Жечпосполита”, 17 июня)

- Согласно опросу ЦИОМа, 81% поляков считает, что политические партии служат исключительно интересам их деятелей. 88% — что политики заботятся только о своих карьерах. Положительно оценивают деятельность политиков и верят в их честность и порядочность 3% опрошенных. (“Газета wyborcza”, 3 июля)

- Кшиштоф Мертенс, председатель отделения СДЛС в Подкарпатском воеводстве: “Партии таковы, каково общество. У разумного политика нет никаких шансов. Взгляните на пример Бальцеровича: честный человек, даже тень подозрения в коррупции никогда на него не пала, и при этом он один из самых ненавидимых политиков. У меня в воеводстве есть местный депутат от “Самообороны” с судимостями, в том числе одна — за изнасилование. Однажды он мне сказал, что на встречи с ним приходят 15 человек. А как только в газетах стали писать о его судимостях — на встречи стало приходить по 200–250 человек. Потому я и говорю, что каково общество — таковы и политики, и партии”. (“Газета wyborcza”, 11 июня)

- Альдона Камела-Совинская, профессор познанской Экономической академии и бывший министр финансов, избрана председателем новой, основанной ею партии “Инициатива для Польши”. (“Газета wyborcza”, 16 июня)

- Проф. Януш Рейковский, президент Международного общества политической психологии: “Нельзя исключить, что задача модернизации нашей страны была гораздо труднее, чем мы ожидали. (...) Но нельзя отрицать и того, что весь механизм государственного управления изъеден крупными дефектами. Их общая черта — приспособление общественного блага к нуждам различных влиятельных группировок и клик, неистовое стремление к финансовому (а также и политическому) успеху любыми средствами — как

достойными, так и недостойными. Именно эта неистовость и становится источником патологии власти”. (“Газета wyborcza”, 28–29 июня)

- “Церковь поражена размахом коррупции в Польше”, — заявил архиепископ Дамиан Зимонь, приведя данные, из которых следует, что каждый шестой поляк в течение последних трех лет хотя бы раз дал взятку. Чаще всего взятки берут политики — партийные деятели, депутаты Сейма и местных законодательных органов, а также работники органов здравоохранения, суда и прокуратуры. (“Газета wyborcza”, 16 июня)

- Прошедшая в Парадыже конференция Епископата Польши выразила обеспокоенность кризисом государственной власти. (“Тыгодник повсехный”, 22 июня)

- Проф. Ежи Шацкий, социолог: “В Польше действительно что-то сломалось. Наверняка повинен в этом коммунизм, но не только он, потому что в этом видны следы как войны, так и перемещения сельского населения в города. Нам не хватает того, из чего складывается понятие общественного доверия: хранить верность данному слову, соблюдать договоренности, не обкрадывать друг друга при каждом удобном случае. (...) Поляки умеют учиться и справляться со стоящими перед ними серьезными трудностями и требованиями. В нашей истории множество примеров замечательных достижений в промышленности, науке, банковском деле — несмотря на трудные условия в стране. Нельзя заранее предполагать, что Польша, даже при благоприятных условиях, окажется не в состоянии сделать огромный цивилизационный скачок. Да даже и сегодня нельзя сказать, что у нас во всем полное разложение. В Польше существуют анклавов, где негативные обобщения не находят себе подтверждения. Есть места, характеризующиеся прямо-таки выдающейся общественной активностью и изобретательностью, не отличающиеся в этом отношении от среднего испанского, ирландского или итальянского города”. (“Газета wyborcza”, 12 июня)

- “Местные политики всегда найдут управу на непослушные СМИ: если не отберут у них помещение, то перестанут давать рекламу или замучат судебными процессами. (...) Насколько сильно провинция нуждается в независимых СМИ, недвусмысленно показали результаты исследований читательского спроса, проведенные Объединением местной прессы. Из них вытекает, что почти половина жителей небольших городов и гмин черпает информацию о событиях в ближайшей округе из местных органов печати. Борьба за

независимость прессы ведется не в Варшаве, а в небольших городках. Вся надежда на то, что читатели гораздо охотнее покупают те издания, в которых разоблачаются злоупотребления местных властей, чем те, которые слепо восхваляют деятелей органов местного самоуправления”. (“Ньюсуик-Польша”, 15 июня)

- Согласно отчету европейской Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), польскую школу (по сравнению с другими странами ОЭСР) характеризует более высокий уровень дисциплины и практически полное отсутствие внеклассной помощи учителей учащимся. В результате польские школьники не достигают тех же результатов, что их сверстники в других странах, и это несмотря на широкое использование частного репетиторства. В задачах, заключавшихся в чтении с пониманием смысла, польские школьники получили только 479 пунктов при среднем показателе в странах ОЭСР — 500 пунктов. Польские учащиеся не справлялись ни с отысканием нужной информации в тексте, ни с вдумчивой и критической оценкой самого текста. (“Жечпосполита”, 2 июля)

- В Польше сегодня обучается 1,7 млн. студентов. В прошлом году в вузы было принято 462 тыс. абитуриентов. Большинство из них — 330 тысяч — поступили в государственные высшие учебные заведения, а в негосударственных начало обучаться 132 тыс. человек. На протяжении нескольких последних лет неизменной популярностью пользуются такие специальности, как педагогика (35 тыс. кандидатов в прошлом году), информатика (29 тыс.), менеджмент и маркетинг (26 тыс.), а также право (23 тыс.). (Катажина Садовская, “Жечпосполита”, 11 июня)

- Проф. Мирослав Выжиковский, представлявший Тадеуша Мазовецкого на торжественной церемонии присвоения степени доктора honoris causa Варшавского университета: “Почетная степень доктора присваивается сегодня человеку, который обладает всеми характеристиками подлинного государственного деятеля. Если кто-то, как Тадеуш Мазовецкий, руководствуется древним римским принципом, что “общественное благо является высшим законом”, и воплощает в жизнь заповедь “Жить честно, не причинять зла ближнему, воздать каждому, что ему причитается” — то [говоря о нем] можно перефразировать слова Горация (...): “Он памятник себе воздвиг вечнее меди прочной и зданий царственных, превыше пирамид...”” (“Газета выборча”, 21-22 июня)

- “Граждане, не верьте радикалам, которые обещают чудотворные рецепты, и не верьте мошенникам, уверяющим, что их партия состоит из одних ангелов. Поищите таких, кто — как некогда Лех Валенса, а впоследствии Тадеуш Мазовецкий — сумеет слепить что-то полезное из обычной грязи. Другого материала в этой стране не будет еще лет десять, а то и двадцать”. (Кшиштоф Чабанский, “Впрост”, 15 июня)

- Более двадцати бывших сексотов коммунистических органов безопасности обратились с просьбой дать им возможность ознакомиться со своими личными делами, хранящимися в архивах Института национальной памяти в Катовице. Аналогично обстоит дело и в других городах. Однако обратиться в ИНП с вопросом, что содержится в его досье, имеет право только тот, кто был потерпевшим, а тот, кто, желая заглянуть в документы, выдает себя за такового, подпадает под статью УК, предусматривающую до 3 лет лишения свободы. (“Жечпосполита”, 3 июля)

- “Десять процентов курсирующих в Польше поездов становятся объектами воровских нападений. (...) Многих бандитов не удастся схватить, так как им помогают железнодорожники. В настоящее время ведется несколько следственных дел против членов поездных бригад, являвшихся пособниками преступников. (...) В пассажирских поездах, курсирующих в Польше, в прошлом году было совершено почти 6 тысяч преступлений, но только о 8% из них было заявлено полиции или работникам Службы железнодорожной охраны. Причина этого проста: железнодорожных преступников так много, что пассажиры, особенно те, кто ездит на поезде ежедневно, боятся давать показания против бандитов”. (Петр Кудзя и Гжегож Павельчик, “Впрост”, 15 июня)

- В Европейском суде по правам человека в Страсбурге ожидают рассмотрения 448 исков польских граждан на медлительность польских судов. Польша проиграла уже 77 подобных процессов, в результате которых государственная казна должна была выплатить компенсации на сумму около миллиона злотых. (“Жечпосполита”, 17 июля)

- В 2002 г. Главная комендатура полиции зарегистрировала около 1050 различных заявлений, поступивших в связи с фактами мучительства животных. “Иногда просто в голове не уместается, что люди способны с ними сделать”, — говорит комиссар полиции Пудельская из Главной комендатуры. (“Пшекруй”, 15-22 июня)

- Генеральный директор государственных лесничеств Януш Давидзюк из СДЛС заявил, что леса — последний оплот польской государственности. (“Политика”, 14 июня)

РОССИЯ КАК ДЕКОРАЦИЯ

Нагромождение событий и отголоски взрывов на Ближнем Востоке не ослабили внимания, с которым мир смотрит на Россию. Пристальность этого внимания и углы зрения могут изменяться, но все — и ученые, и неученые — хотят одного: угадать, куда идет новая, преображенная Россия и насколько необратима ее метаморфоза. Спустя двенадцать лет после перелома ответить на этот вопрос ничуть не легче, чем раньше.

Мавзолей и человеческий фактор

В поисках ответа Запад старается прежде всего наблюдать за процессами, происходящими внутри российской верхушки. Раньше он таким же образом присматривался, в каком порядке стоят на трибуне мавзолея аппаратчики из свиты генсека. Сегодня внимание Запада приковано к борьбе между новой аристократией родом из КГБ и буржуазной плутократией. Этот традиционный метод, разработанный несколькими поколениями кремлевцев, никогда не позволял им предвидеть важные перемены. Конечно, роль личности вождя в России существеннее, чем где бы то ни было, а личности попадают непредсказуемые. И все же произошла перемена, последствия которой могут быть все более серьезными: россияне стали избирателями. Власть научится считаться с их мнением, поскольку ей будет все труднее влиять на него: монополии на информацию уже не вернешь. Те попытки, которые то и дело повторяются, будут наталкиваться на сопротивление и техники, и глобализации.

Что касается поляков, то их, похоже, не занимают интриги и рокировки за восточной границей. В российской политике их интересует только одно: не возрождаются ли в России имперские тенденции. Впрочем, для нас главный критерий сопоставления, *tertium comparationis*, — это сами русские и их жизненная ситуация. Этот критерий прост, но отнюдь не примитивен. Поляки воочию убедились, сколь важен в политике и истории человеческий фактор, упускаемый из виду в расчетах дипломатов и экономистов. Не экономические механизмы или какой-то дух истории, но толпы плебеев и горстка интеллигентов на наших глазах сокрушили стены и режимы. Полякам этот фактор известен не понаслышке.

Граждане Азиопы

Вечная польская иллюзия заключается в том, что о русских здесь якобы знают всё. Правда, факт остается фактом: ни через одну европейскую страну не прошло и не проходит столько русских, сколько прошло через Польшу. На протяжении трех веков — от Петра I до генерала Дубынина — здесь побывали миллионы людей в мундирах, что делало знакомство несколько односторонним. Но сегодня к их внукам, встречающимся на польских улицах и вокзалах, в университетах и на базарах, мало кто относится с прежней враждой или вынужденной услужливостью. Сквозь толщу предубеждений, обид и страхов постепенно пробивается чувство схожести судеб.

Западные высоколобые считают всех, кто родился к востоку от линии Триест—Гданьск, провинциалами континента, гражданами, как выражался Андрей Козырев, Азиопы. Но нас, людей со столь различными традициями, религией и историей, объединяет вовсе не география. Просто мы видим у своих соседей следы той же заварухи, какой обернулся для большинства процесс непрерывно извращаемых преобразований. Более того, на нас лежит общая печать совковой серости, которая должна была означать равенство, была защитным цветом, а стала симптомом катаракты разума. Только вот поляки, хотя и не все, стараются эту печать смыть, а значительной части русских она кажется естественной чертой, да что там говорить — роком.

Хорошо бы знать, откуда взялось это различие. Разумеется, для этого недостаточно столкнуться с русскими в толпе, недостаточно анкет и статистики. О состоянии духа этих людей и о том, чего можно от них ожидать, гораздо больше скажут литература и театр.

Писательское ремесло

Наблюдения и выводы, предлагаемые нам писателями и артистами, считаются весьма подозрительными и обманчивыми. Говорят, что из-за них множатся национальные предрассудки и предвзятость, — так, словно эти наблюдения и выводы предшествуют войнам, разделам, восстаниям и репрессиям, а не представляют собой их запоздалые следы или реакцию на них. Марксисты не высосали из пальца понятие социального заказа, а лишь приспособили его к своим нуждам. Будем откровенны: когда в 1831 г. Пушкин писал стихотворение “Клеветникам России”, он осудил польское восстание так, как того ожидало большинство его соотечественников. А Лев Толстой, защищая поляков в рассказе “За что?”, облек в слова то негодование, с которым думающее меньшинство русских смотрело на репрессии после революции

1905 г., начавшейся, между прочим, в Польше. Писатели и артисты не с потолка берут взгляды, позиции и убеждения, которые вкладывают в уста своих героев. Они отличаются от своих читателей и зрителей как раз тем, что умеют четко и ясно назвать явления, которые те всего лишь предчувствуют, о которых начинают догадываться.

Да, иногда в человеческих головах зарождаются чудовища и химеры. Но вот что странно: популярность писателей, отдававших им предпочтение, как правило, бывает очень недолгой. Например, автор “Панургова стада” и “Тамары Бендавид” полонофоб и антисемит Крестовский, чьи книги пользовались успехом в конце XIX века, сегодня при попытках искусственного воскрешения вызывает лишь чувство неловкости. Пристрастность отталкивает даже приверженцев.

Мы, славяне, идиллии любим 1)

Польские писатели обычно предавались насаждению добродетелей. Польская поэзия и проза долго слыли царством напыщенного благородства и страдальчества. Обязанность “ободрять сердца” тяготела даже на поздних внуках Сенкевича. Между тем, как считает Чеслав Милош, сосредоточенность на этой задаче способствовала тому, что польская словесность разминувшись с темой зла.

Милош во многом прав. Да, в польской литературе нет недостатка в феноменологии зла: в ней можно найти образы насилия, двуличия, предательства, эксплуатации и мелкой подлости. Лучшие страницы самых выдающихся произведений полны их описаний — от убийства Марии у Мальчевского до допроса Анзельма в “Розе” Жеромского и далее, вплоть до рассказов Боровского и Ханны Краль. Сенкевич остается непревзойденным мастером описания пыток — даже Гоголь в “Тарасе Бульбе” не достиг такого дна. Но, хотя феноменология есть, проблематики нет. Нет польского “Преступления и наказания”, нет “Мелкого беса”. Нет попыток представить — на примере героев и их признаний — причины и оправдания, которые находит человек, совершающий зло, чтобы обосновать свои поступки. Или исправить их. Польские авторы ссылаются, с одной стороны, на историческую необходимость, с другой — на катехизис, однако всё это лишь внешние санкции. А ведь речь — то идет о собственном суждении и собственной совести — только это убеждает. Достоевскому это удалось.

Русофоб?

Пожалуй, Милош был бы прав полностью, если бы не его земляк — Адам Мицкевич. Мицкевич сделал проблематику зла осью своих главных произведений.

Он взял быка за рога — задался вопросом, на каком, собственно, основании мы присваиваем себе право на месть и предательство, а исключительные личности — право действовать по ту сторону добра и зла. И дал ответ, беспрецедентный в европейской литературе того времени, хотя эта проблема укладывалась в рамки романтизма. Все это есть в “Дзяддах” и даже в более раннем “Конраде Валленроде”. Немаловажно, что свой материал Мицкевич почерпнул из трагической и хорошо известной польскому обществу действительности. Той болезненной темой, которая прежде не находила достойного отражения в литературе, стало притеснение завоевателем.

Россия, царизм — вот откуда брал примеры Мицкевич. Он называл имена, цитировал подробности преступлений. Его рассказ о военном смотре в “Отрывке” из III части “Дзяддов” достоин пера штабиста, описание Петербурга и его предместий — непревзойденно в своем гнетущем настроении. Все, что он писал о России, поражает не столько тяжестью обвинений, сколько поэтической мощью и поразительной меткостью образов.

О кнутах, жестокостях, кибитках, охранке и каторге писали сотни польских литераторов, однако истинное имя этому перечню несправедливостей дал Мицкевич. Не потому что испытывал бóльшую ненависть к палачам, но потому что жалел их.

Как правило, в доказательство того, что Мицкевич не был русофобом, приводят образ честного капитана Рыкова из “Пана Тадеуша”, напоминают о двух юношах, споривших о памятнике царю, стоя под одним плащом, и повторяют общие места о дружбе с Пушкиным. В действительности Пушкин и Мицкевич были лояльными, но сознательными оппонентами. “Медный всадник” — явный ответ на “Памятник Петру Великому”; независимо от споров исследователей, это бросается в глаза.

Подлинным примером восхищения, великодушного понимания и сочувствия Мицкевича к своему русскому коллеге и его соотечественникам несомненно стала та лекция польского поэта в Коллеж де Франс, где речь идет о гении, трагедии и мировом значении Пушкина. И все же наиболее красноречивы такие стихи Мицкевича, как последний

фрагмент “Военного смотра” 2) и последняя строфа стихотворения “К русским друзьям”. Оба они колют глаза имперским патриотам. Я помню времена, когда в СССР стихотворение “К русским друзьям” печатали без этой злополучной строфы. В обоих фрагментах говорится о вине правителей, которые совершили ужасное злодеяние — отняли у своих подданных, соотечественников, не только свободу, но даже право на чужое уважение.

Матрица

В “Дзядях” заключена идейная матрица отношения польского общественного мнения к русскому человеку.

Мицкевич был безжалостен к российской безжалостной власти и великодушен к русским. Он первым дал выражение этой дихотомии и первым признал самих русских первыми жертвами империи.

Он не выдумал этого и не внушил своим соотечественникам. Видимо, они и сами начинали обо всем догадываться, коль скоро на знаменах восстания 1830 г. написали “За вашу и нашу свободу” — надо сказать, подлинный шедевр пропаганды.

Другое дело, что пользы от этой пропаганды было немного. Усиление репрессий лишь обострило отношения поляков с Россией. Тем не менее в час испытаний, в 1915 г., жители Варшавы и Лодзи, Калиша и Пшасныша захлопнули двери и окна перед немецкими победителями. В Царстве Польском преобладали пророссийские настроения, и это было не только делом рук партии Дмовского. Множество специалистов, писателей и актеров оказались в Москве и Киеве; на несколько лет там обосновались замечательные польские театры и выдающиеся люди сцены — Ярач и Высоцкая, Драбик и Шифман.

Правда, подобные настроения быстро свели на нет Тухачевский с Буденным, Сталин с Молотовым и генерал Серов с капитаном Блохиным — тем самым, который в январе 1940 го расстрелял Бабеля и Мейерхольда, чтобы спустя шесть недель приступить в Медном под Тверью к уничтожению 6311 польских военнопленных из Осташкова.

Что видит зритель?

Что перемололи эти дьявольские жернова, что осталось в сите польской памяти? Нет смысла спрашивать об этом политиков. Складывается впечатление, что Россия, да и вся восточная

политика просто-напросто исчезли из поля зрения как нашего правительства, так и оппозиции. Говорят, что вопросы эти отданы на откуп спецам от экономики — только вот толку что-то не видать, по крайней мере для стратегических интересов государства. Бессмысленно спрашивать и журналистов. Уже давно на первых страницах газет человек не находит ничего нового о том, что́ Станислав Бжозовский считал предметом особой заботы, — о наших отношениях с Россией. Но вот на страницах наименее важных — там, где петитом печатается театральный репертуар, — вдруг неожиданность, открытие: куда ни глянь, русские драмы или польские спектакли о России.

Посылая репортера “Экспресса вечорного” в незнакомый город, Рафал Прага, редактор Божией милостью, советовал ему начинать с внимательного изучения трех вещей: мелких объявлений в местной газете, ежедневного списка судебных тяжб и репертуара городского театра. Он ручался за любопытные выводы.

Долгие годы служебная директива предписывала театрам ПНР отводить значительную часть плана премьер под т.н. советский репертуар. В первой половине 50-х это составляло около трети всех спектаклей. Театры были государственными, и было их больше шестидесяти. Результатом политики принуждения было пресыщение, доходившее до рвоты.

Сегодня в Польше только три государственных театра. Остальные бьются с местной администрацией и собственными кассами. Наличие и даже изобилие российских и связанных с Россией спектаклей на свободном рынке доказывает, что предложение появляется там, где есть спрос. Это свидетельствует о том, что зрители, т.е. граждане, проницательнее политиков и журналистов, которых Россия не интересуется.

Присутствие на польских сценах Чехова, Горького, Гоголя или Достоевского вполне естественно: их ставят во всем цивилизованном мире. Эти авторы защищают славу и доброе имя России лучше, чем генералиссимус Суворов и генерал Шаманов вместе взятые.

А вот появление целой серии новых пьес на, условно говоря, русские темы — это уже чисто польский феномен. Обращает на себя внимание факт, что за темы эти берутся первоклассные драматурги. Любопытно, что некоторых из них с Россией не связывают ни творчество, ни биография.

По этой и по нескольким другим причинам возникает предположение, что в сущности речь здесь идет не о самой России. В этом нет ничего удивительного, коль скоро автор решил выразить себя в театре. Позволим себе трюизм: театр по сути своей требует от зрителя согласия на расхождение между тем, что он видит на сцене, и тем, что он считает действительностью. Действительность суетна, хаотична, как правило скучна, и потому в ней трудно разглядеть смысл. Театр благодаря условной системе приемов, намеков, метафор и сокращений упорядочивает ход жизненных событий так, чтобы они казались нам осмысленными. Именно этой отрады мы ищем в театре. Оказывается, в этом особенном месте правдоподобие вовсе не приближает нас к правде. Поэтому театр не проиграл в поединке с кино, а живопись — с фотографией.

Клоны и мутанты

“Русский сезон” открыл в 1993 г. Славомир Мрожек своей пьесой “Любовь в Крыму”. По его воле герои должны были выйти из чеховского мира, чтобы затем перенестись в эпоху большевизма и наконец оказаться в реалиях перестройки. Характеры героев не претерпевают изменений несмотря на то, что меняются их функции, одежда, семейное положение. Отношение к ним автора нетипично. Обычно Мрожек относится к своим персонажам как к фигурам на шахматной доске, с железной последовательностью и редкой смелостью доводя каждый конфликт до крайности, а каждую шутку до абсурда. На этот раз он смотрит на них с пониманием и жалостью. В финале дело доходит даже до церковного апофеоза героини.

Пьеса производит впечатление экспортной продукции для нужд тех западных сцен, где русская тема всегда в моде и где Мрожек пользуется заслуженной славой. Тем не менее из всех драматических произведений, о которых здесь пойдет речь, она самая прямолинейная и сосредоточенная на России. Надо сказать, что “Любовь в Крыму” весьма сурово оценил архирусист Анджей Дравич в статье под беспощадным заголовком “Как лучше всего не понять Россию”.

Дравич был не прав, требуя, чтобы сценическое произведение заключало в себе информацию, характерную скорее для хроники или репортажа, но в то же время и прав, так как воссоздавая с маниакальной тщательностью местный колорит и клонируя литературные образцы (т.е. известные большинству зрителей типажи русских), Мрожек создал впечатление, будто он добивается пресловутого правдоподобия и конкретности. В

результате в пьесе не осталось места для сценической метафоры, в которой Россия была бы отправной точкой для перехода к другим местам и значениям.

Януш Гловацкий, автор пьесы “Четвертая сестра”, позволил себе более свободное отношение к русским архетипам. Три сестры Прозоровы — не призраки старого мира. Они прошли мутацию. Намеки на прошлое, знакомое и зрителю, и действующим лицам по литературе, служат лишь для игры в парадоксы и контрасты. Сильная сторона этой комедии заключается не только в показе гротескного сочетания интеллигентских навыков и совковых инстинктов с нравами пещерного капитализма. Благодаря гибкому языку диалогов и отточенному в Варшаве авторскому чувству юмора поляки узнают в героях “Четвертой сестры” своих людей. Не знаю, получится ли это у Гловацкого там, где он живет теперь. Уже много лет он — житель Нью-Йорка.

“Крик рыбы” Анны Стронской заслуживает внимания даже в беглом обзоре. Автор использует сперва советские, а затем современные реалии, чтобы весьма убедительно показать механизм, обладающий не столько универсальными, сколько заразительными чертами. Два героя доносят друг на друга из страха, что один опередит другого. Та же ситуация повторяется во втором действии, происходящем уже в новые времена. Однако то, что делало русского опасным мутантом — советским человеком, — не является ни его первородным грехом, ни национальной чертой, подчеркивает Стронская. Нельзя с ней не согласиться.

“Булгаков” Мацея Войтышко напоминает нам о том, что мы имеем дело с редким феноменом. Войтышко — первоклассный режиссер. Например, Театр телевидения обязан ему множеством замечательных спектаклей, среди которых, в частности, все пьесы Булгакова. Это он дал Ломницкому незабываемую роль Мольера, написал для детей гениальную “Бромбу”, проиллюстрировал свои книги. Но тот, кто смотрел его “Грехи старости” (с Холубеком в роли Россини, спорящего с Вагнером) или “Семирамиду” (спектакль о Екатерине Великой) в постановке Эрвина Аксера, знает, что видел работы истинного мастера, способного достичь совершенства, при этом полного свободы и живой фантазии. Это редкость во времена культа отчаяния в театре. Действие пьесы разворачивается за кулисами МХАТа, в кабинете следователя на Лубянке и в квартире, где умирает Булгаков. Как и в “Последних днях” самого писателя, главный герой не появляется на сцене. Спектакль полон тонких намеков и цитат из произведений

Булгакова и сочинений его ровесников. Однако это не сценический некролог и не исторический материал. Основная суть заключается в борьбе интеллигенции с грубым насилием власти, безжалостной власти дилетантов. Это один из главных конфликтов эпохи. Советская Россия была его крупнейшей, но не единственной и не последней ареной.

Случай Тадеуша Слободзянека во всех отношениях исключителен. Его “Илия-пророк” и “Царь Николай”, его работа в поселении сектантов, отколовшихся от православия, и в театре “Вершалин” близ Белостока дали возможность наклеить на него ярлык представителя культуры пограничья, которую ценят, но считают своего рода экзотикой. Между тем Слободзянек делает нечто большее — он изучает духовную жизнь простонародья, провинциалов, исследует Польшу низов, отмечает ее попытки оттолкнуться от дна. Его интересует тот самый человеческий фактор, о котором мы говорили выше.

В “Сне клопа” роль этого массового фактора кажется мне более интересной, чем исходный сюжет о герое “Клопа” Маяковского Присыпкине, которого коммунисты посадили в клетку как образцового мещанина, а перестройка выпустила на свободу. Как известно актерам, короля играет свита. Толпа оборванцев, жертв перемен видит в бывшем мещанине своего спасителя, но на его жизнь покушается рвущийся к власти бывший функционер со своим личным шпииком. Герой находит единственное убежище в своей старой клетке. Такова схема, которую словацкий режиссер Спишак наполнил в гданьском театре фейерверками, цирковыми номерами, цыганскими романсами и очередями из калашей. Однако не фейерверки и даже не говорящая статуя поэта делают спектакль важным событием. Главное в нем — его мораль, которую в частично минувший период называли направленностью. Слободзянек убедительно показал массовое бегство от свободы. Но не остановился на этом. Он показал, что люди, выросшие при диктатуре, все-таки стремятся к свободе — свободе от бремени ответственности за свою судьбу. Пусть лучше это бремя несет власть, даже самая суровая. Как в недавние времена.

Это важное предостережение, и не только для соотечественников Присыпкина. Вот что говорит сам Слободзянек: “Конечно, действие происходит в России, но не она — истинная точка отсчета. Она — своего рода фон, декорация, на фоне которой разворачиваются события, близкие всем нам. Не только русским, но и чехам, болгарам, немцам и особенно нам, полякам”.

Этих слов достаточно, чтобы подытожить наш текст. Его предметом было не столько состояние духа русских, сколько представления поляков об этом состоянии. Мы исходили из предпосылки, что польские писатели знакомы с этой темой немного лучше других и дают этим представлениям адекватное, зачастую новаторское выражение, особенно когда в их распоряжении оказываются театральные средства. Пожалуй, произведения, заполнившие в последнее время польские сцены, свидетельствуют о том, что матрица Мицкевича не пошла насмарку.

Адам Мицкевич

К РУССКИМ ДРУЗЬЯМ

Перевод Анатолия Якобсона

Вы — помните ль меня? Когда о братьях кровных,
Тех, чей удел — погост, изгнание и темница,
Скорблю — тогда в моих видениях укромных,
В родимой череде встают и ваши лица.
Где вы? Рылеев, ты? Тебя по приговоре
За шею не обнять, как до кромешных сроков, —
Она взята позорною пенькою. Горе
Народам, убивающим своих пророков!
Бестужев! Руку мне ты протянул когда-то.
Царь к тачке приковал кисть, что была открыта
Для шпаги и пера. И к ней, к ладони брата,
Плененная рука поляка вплоть прибита.
А кто поруган злей? Кого из вас горчайший
Из жребиев постиг, карая неуклонно
И срамом орденов, и лаской высочайшей,
И сладстью у крыльца царева бить поклоны?
А может, кто триумф жестокости монаршей

В холопском рвении восславить ныне тщится?
Иль топчет польский край, умывшись кровью нашей,
И, будто похвалой, проклятьями кичится?
Из дальней стороны в полночный мир суровый
Пусть вольный голос мой предвестьем воскресенья
Домчится и звучит. Да рухнут льда покровы!
Так трубы журавлей вещают пир весенний.
Мой голос вам знаком. Как все,дохнуть не смея,
Когда-то ползал я под царскою дубиной,
Обманывал его я наподобье змея —
Но вам распахнут был душою голубиной.
Когда же горечь слез прожгла мою отчизну
И в речь мою влилась — что может быть нелепей
Молчанья моего? Я кубок весь разбрызну:
Пусть разъедает желчь — не вас, но ваши цепи.
А если кто-нибудь из вас ответит бранью —
Что ж, вспомню лишний раз холуйства образ жуткий:
Несчастный пес цепной клыками руку ранит,
Решившую извлечь его из подлой будки.

Примечания:

1) Строка из 3-й части “Дзядов” Мицкевича (перевод дословный)

2) Над площадью кружился утром снег.

Выл где-то близко пес. Сбежались люди

И мерзлый труп открыли в снежной гряде.

Он после смотра там обрел ночлег.

Под скобку стрижен, борода густая,

Плащ форменный и шапка меховая, —
На вид полусолдат, полумужик,
То, верно, офицерский был денщик.
Стерег несчастный шубу господина
И люто мерз. Хотя крепчал мороз,
Уйти не смел он. Снег его занес.
К утру он бездыханен был, как льдина.
И мертвого нашел здесь верный пес.
Хоть замерзал, но не надел он шубы.
Заиндевели смерзшиеся губы.
И был залеплен снегом глаз один.
Другой еще глядел остекленело
На площадь — не идет ли господин.
(...)
Твой барин скажет: “То-то был денщик!
Верней собаки был!” — и усмехнется.
Несчастный ты мужик! Слеза течет
При мысли о тебе, и сердце бьется...
Славянский, обездоленный народ!
Как жаль тебя, как жаль твоей мне доли —
Твой героизм — лишь героизм неволи.
(Перевод В.Левика)

СОЦИАЛЬНАЯ ПЬЕСА МАКСИМА ГОРЬКОГО ПО-ПОЛЬСКИ

2–8 декабря прошлого года во Вроцлаве проходил 32-й форум современной драматургии "Евродрама-2002". В нем принял участие Кристиан Люпа, режиссер краковского Старого театра, показавший как результат рабочих репетиций спектакль "Остров" по пьесе Максима Горького "На дне" (в переводе Анны Каменской и Яна Спевака). 24 января, после новых репетиций, режиссер показал уже целиком спектакль, получивший название "Ночлежка".

Над этим спектаклем Люпа работал не так, как обычно. Актеры должны были самостоятельно подготовить концепции своих героев, что стало неожиданностью для до сих пор работавших с ним актеров – Халины Расяк и Милогоста Речека. Основой их работы оставался текст Горького, но к нему они должны были прибавить что-то от себя. Василиса, алчная и расчетливая, в конце пьесы оказывается жертвой, соблазненной в детстве и теперь ненавидящей своего соблазнителя, ныне мужа. Не всей публике понравились изменения в тексте, но, пожалуй, это подтолкнет некоторых к ознакомлению с пьесой Горького.

В театре ныне царит мода на "брутализм", однако, по мнению некоторых критиков, это отнюдь не новость: в 20-е годы он был присущ немецкому экспрессионистскому театру. Не знаю, видел ли Максим Горький спектакли Ганса Кресника, но что-то от темной атмосферы этого искусства могло проникнуть и в его литературу. Стоит напомнить, что его спектакли, в том числе берлинская постановка "На дне" (1905), пользовались большим успехом.

Сам Горький, как пишет о нем знавший его Марк Алданов, не понимал социальных отношений на Западе, а его рассказы о Нью-Йорке ("Город желтого дьявола") смело можно назвать наивными. Интересно другое: Максим Горький создал тип нового героя. Его поступки определяют внешние и внутренние обстоятельства, он всегда чувствует возможность выбора, но не задается вопросами нравственности. Он много думает о свободе, но не выбирает – его выбирают. Клим Самгин живет так, чтобы не принимать никаких решений, ничего не решать окончательно, его свобода пуста, как это определил венгерский литературный критик Михай Шюкёшд. Так и герои "На дне",

особенно циничный Сатин (Павел Миськевич), колеблются между верой и надеждой. Но, как сказал режиссер, его страшит выбор героев, то, чего они хотели бы – а хотят они пользоваться жизнью, их мысли крутятся вокруг гулянки и выпивки.

Сатин хочет свободы; как и другие жители ночлежки, он позирует исключительность, играет кого-то другого, нежели он сам. Лука (Генрик Небудек) предлагает веру или неверие, а веру в загробную жизнь использует как успокаивающий пластырь, чтобы облегчить последние дни умирающей Анны (Доминика Фигурская). Зритель может задуматься, хорошо ли питать себя иллюзиями о себе, грезами, как это делают на сцене действующие лица, раня друг друга словами.

В Польше Кристиан Люпа известен своими выдающимися постановками романов Достоевского. Спектакль "Ночлежка", пожалуй, доказывает, что о современности могут говорить и тексты начала минувшего века.

"Ночлежку" Люпа поставил, как большинство своих спектаклей: в конце мы видим крупным планом на экране, словно хронику сцены битвы, как жители во время "междоусобицы" переустраивают свои углы, даже ищут спрятанные богатства, – экран, парадоксально, сделал так, что жизнь обитателей ночлежки показалась нам далекой и даже смешной. Сопровождает все это экспрессивная современная музыка Яцека Осташевского.

Кристиан Люпа считает, что действующие лица его спектакля похожи на нас. Действительно, в новых условиях свободного рынка люди часто чувствуют себя отверженными, маргинализированными, ищут бегства, своего убежища от проблем (не всегда финансовых). Режиссер, как некогда Максим Горький, считает, что надо зачерпнуть из мути, грязи, осадка на дне и тогда наступит время очищения. В своих интервью режиссер говорит, что нам грозит опасность плоского материализма, что атеистические убеждения приносят роковые результаты.

Потребность молодой публики в театральном "брутализме", по мнению режиссера, отражает поиски молодежью истины, неприятие лицемерия, но в то же время напоминает, что театральная публика – это узкая группа людей, для которой есть смысл работать. Будучи во Вроцлаве, режиссер подтвердил, что больше, чем театр, его начинают интересовать занятия словесностью. Недавно вышла его вторая книга, созданная на основе ежедневных дневниковых записей.

Каждая минута важна, и каждой вещи свое время – это время художник скрупулезно описывает в дневниках. Этот тезис режиссера заведомо далек как от релятивизма современных постмодернистов, так и от внутренней опустошенности героев Горького.

Мацей Войтышко

БУЛГАКОВ

Действующие лица

Елена Сергеевна Булгакова, жена М.А.Булгакова

Ольга Сергеевна Бокшанская, сестра Елены

Павел Петрович Берков, актер

Николай Христофорович Шиваров, следователь
НКВД

Василий Иванович Качалов, великий советский актер

Николай Робертович Эрдман, драматург, сатирик

Ольга Леонардовна Книппер – Чехова, актриса,
вдова А.П.Чехова

Чертов, сотрудник НКВД

Правдин, сотрудник НКВД

Ермолай, буфетчик во МХАТе

Аннушка, уборщица во МХАТе

Жена Габриловича, Мужчина с цветами,
члены труппы МХАТа

Сцена 5

Лубянка, та же комната. Освещение как для допроса. Правдин
вводит Эрдмана.

Правдин. Садитесь.

Усаживает Эрдмана на табурет, сам стоит во мраке. Долгая
пауза — молчит Эрдман, молчат допрашивающие. Эрдман
кашляет. Шиваров включает небольшую лампу над папкой с
делом Эрдмана. Открывает папку и начинает петь.

Шиваров. Легко на сердце от песни веселой,

Она скучать не дает никогда.

И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Пауза.

Это ваше?

Э р д м а н . Мое.

Ш и в а р о в . Раз ГПУ, зайдя к Эзопу,
Схватило старика за жопу.

Смысл этой басни, видно, ясен:

Довольно этих басен!

Тоже ваше?

Э р д м а н . Тоже.

Ш и в а р о в . А чего-нибудь новенького не написали?

Э р д м а н . Нет.

Ш и в а р о в . Вам запрещено пребывание в Москве.

Э р д м а н . Я здесь проездом. Не пребывал.

Шиваров вынимает револьвер и стреляет.

Ш и в а р о в . Я целился, но не попал. А могло произойти
наоборот. Отвечайте на вопросы. Зачем вы приехали в Москву?

Э р д м а н . Попрощаться с умирающим другом.

Ш и в а р о в . Булгаковым.

Э р д м а н . Булгаковым.

Ш и в а р о в . Тем, который рекомендовал товарищу Сталину
использовать ваши таланты?

Э р д м а н . Как будто.

Ш и в а р о в . Вам он об этом не говорил?

Э р д м а н . Нет.

Ш и в а р о в . Тогда откуда вам это известно?

Э р д м а н . Следователь показывал мне его письмо.

Ш и в а р о в . Здесь, на Лубянке?

Э р д м а н . Да.

Пауза.

Ш и в а р о в . А вот это — что такое?

Показывает лист бумаги.

Э р д м а н . Можно подойти поближе?

Ш и в а р о в . Подойдите.

Эрдман подходит к письменному столу.

Э р д м а н . Я уже объяснял следователю полтора года назад. Я для себя составил список лиц, которые пришли бы на мои похороны.

Ш и в а р о в . А эти фамилии внизу?

Э р д м а н . А это те, кто пришел бы даже в дождь.

Пауза.

Ш и в а р о в . Это такая шутка?

Э р д м а н . Не каждая шутка смешна.

Ш и в а р о в . А мы полагаем, что это фамилии членов контрреволюционной организации. Врагов народа. Некоторые ваши сообщники уже признались. Мейерхольд, например.

Эрдман возвращается на место.

Э р д м а н . Товарищ, это просто недоразумение. Иной раз напишет человек какую-нибудь глупость... но клянусь вам, клянусь, что это всего лишь дурацкая шутка — не более того. Какая там организация!

Ш и в а р о в . А Булгакова в этом списке нет?

Э р д м а н . Не помню.

Ш и в а р о в . Нет. Видите как получается: он на ваши похороны — нет, а вы на его — да. Что-то тут у вас не складывается.

Э р д м а н . Я написал фамилии нескольких коллег и знакомых. Просто так.

Ш и в а р о в . Ладно. Так как же вы докажете мне, что невиновны?

Э р д м а н . А вы?

Ш и в а р о в . Это что еще за наглость?

Э р д м а н . Извините, конечно, но доказать невиновность, наверно, невозможно.

Ш и в а р о в . Иначе говоря, вы признаётесь?

Э р д м а н . Товарищ Шиваров, вам хорошо известно, что я безответственный шут, к тому же достаточно трусливый, чтобы из страха перед болью обвинить кого угодно, даже вас. Так что если вам требуется от меня что-то конкретное, то начинайте меня пытаться целенаправленно, а не столь неопределенно. Я сделаю все, что только захотите.

Ш и в а р о в (*после паузы*). Как вы узнали, что это я?

Э р д м а н . Внимание! Это шутка. По отсутствию лица.

Шиваров разражается смехом.

Ш и в а р о в . В молодости мне тоже хотелось стать писателем. Мне казалось: искусство дает необычайную власть над людьми. Изменяет их внутренне. Делает лучше. Ну, хорошо. Поменяйте свет.

Включается рабочий свет, обнаруживая троих следователей и Эрдмана.

Ш и в а р о в . Предлагаем вам прочесть нечто вроде либретто. Это первоначальный проект концертной программы. Скетчи, песни, сатирические монологи.

Э р д м а н . То есть все-таки пытки?

Ш и в а р о в . Эрдман! Не паясничайте! Товарищ Берия поручил нам создать ансамбль песни и пляски НКВД. Это задание высшей государственной важности. Мы набираем коллектив профессионалов. К сожалению, возникли осложнения со сценарием. Это здесь (*указывая на папку*) не совсем то, что нам нужно. Даже типичное не то.

Э р д м а н . Но почему?

Ш и в а р о в . Не во всем отвечает нашим пожеланиям. И вообще... Отсутствует прочная связь с самым главным. Да и не смешно совсем. Понятно?

Э р д м а н . Как будто.

Ш и в а р о в . Садитесь за этот стол и все прочитайте. Вот вам перо и бумага. Делайте замечания на каждой странице.

Э р д м а н . На поезд опоздаю. Я действительно только проездом.

Ш и в а р о в . Договоримся так: сейчас вы посидите над этим текстом часа два-три, а потом переночуете в нашем общежитии. Завтра утром я вас допрошу и тогда решу, можно вас отпустить или пока что нельзя.

Э р д м а н . Понятно.

Ш и в а р о в . Принимайтесь за дело.

Эрдман садится за стол на место Шиварова.

Ш и в а р о в . Мы не будем стоять у вас над душой. Слишком много дел. Можете здесь спокойно сидеть и работать. Вам никто не помешает.

Э р д м а н . Спасибо.

Ш и в а р о в (с *смотрит на часы*). Часа, скажем, через два к вам заглянет товарищ Чертов и проводит в общежитие. Если к этому времени вы еще не закончите, он подождет.

П р а в д и н . Только ничего не трогайте в том помещении. Там сложная техника.

Ч е р т о в . Оставим вам только этот свет. Достаточно?

Э р д м а н . А если мне захочется, например... в туалет?

Ш и в а р о в . Так сходите.

Ч е р т о в . Тут рядом, по коридору направо.

Ш и в а р о в . А я буду работать в кабинете № 66. Только никуда дальше не забредайте, а то мы снова вас потеряем. Ясно?

Э р д м а н . Все ясно.

Ш и в а р о в . Тогда принимайтесь за работу.

Ч е р т о в . До встречи.

Выходят. Эрдман раскрывает объемистую папку, оставленную на столе Шиваровым, и заглядывает в нее без особого интереса.

Вздыхает. Немного погодя начинает насвистывать мелодию
“Легко на сердце...”. Стук в дверь.

Э р д м а н . Войдите.

Входит Берков.

Б е р к о в . Товарищ Шиваров здесь?

Э р д м а н . Нет. То есть он здесь. Где-то в здании.

Б е р к о в . Я бы хотел передать пластинки лично ему.

Э р д м а н . Пластинки? Что за пластинки?

Берков подходит ближе.

Б е р к о в . С музыкой Рахманинова. Товарищ Шиваров просил доставить как можно скорее. Для товарища Берии.

Э р д м а н . Ах да, совсем забыл, что товарищи еще и меломаны.

Берков подходит к столу и внимательно разглядывает Эрдмана.
Начинает смеяться.

Э р д м а н . Над чем вы смеетесь?

Б е р к о в . Над самим собой. Я уже начал думать, что видел призрака, потому что встретил вас, товарищ, в театральном буфете, а все меня убеждали, что никого там не было.

Э р д м а н . Не хотели признаться, что знают меня?

Б е р к о в . Нет, это не так. Видимо, из врожденной деликатности.

Э р д м а н . Вы правы. Советскому народу свойственна некая чрезвычайная тонкость в обхождении.

Б е р к о в . А я, глупец, даже принимал вас за Воланда.

Э р д м а н . Как, как?

Б е р к о в . Ну, Воланд. Немец. Впрочем, не стоит вам надоедать моими фантазиями.

Э р д м а н . Почему же. Это весьма интересно.

Б е р к о в . Есть один драматург — Булгаков. Так, человек как человек, а вот пишет очень интересно. Остроумно.

Э р д м а н . Я кое-что слышал.

Б е р к о в . Возможно, вы также слышали, что это я с полгода тому назад убедил его написать пьесу о товарище Сталине. Прекрасная пьеса. Мы еще поставим ее. Нужно только внести мелкие поправки и сыграем. Только он не хочет править. Считает, что эта пьеса — самоубийство для него.

Э р д м а н . Отчего же?

Б е р к о в . Откуда мне знать? Может, из-за того что коллеги станут над ним смеяться. Мол, подхалимничает.

Э р д м а н . Преувеличение.

Б е р к о в . Мои слова. А он: “Нет, Паша, какое там преувеличение. Просто очередная попытка самоубийства, только на этот раз увенчавшаяся успехом”.

Э р д м а н . Так и сказал?

Б е р к о в . Да. И умирает. Но старается дописать странный роман. И как раз в нем выступает Воланд.

Э р д м а н . И вам показалось, что я — это Воланд?

Б е р к о в . Нет... да. Начитался о волшебнике, которому известно будущее, он угадывает человеческие судьбы, чревоуещательствует, исчезает. Вот и вы так передо мной то появлялись, то исчезали. Появлялись и исчезали.

Э р д м а н . Мне знаком этот роман.

Б е р к о в . Знаком? Значит, я зря пытался делать выписки.

Э р д м а н . Покажите.

Берков показывает листки.

Э р д м а н (*читает*). Рукописи не горят... он не заслужил света, он заслужил покой... Трусость — самый тяжкий порок. Пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Б е р к о в . Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?

Э р д м а н . Послушайте-ка, товарищ... как ваша фамилия?

Б е р к о в . Берков. Павел Петрович Берков.

Э р д м а н . Послушайте, товарищ Берков. Отнеситесь к моим словам как к дружескому совету от человека, которого вы не знаете и никогда не должны узнавать.

Б е р к о в . Слушаюсь.

Э р д м а н . Не надо раздувать историю из этого романа. Сейчас не его время. Роман прочитан и поскольку он не завершен, то никому и не интересен. Поняли?

Б е р к о в . Да.

Э р д м а н . Это всего лишь набор фрагментов. Некие видения больного человека. К чему морочить этим голову товарищу Шиварову или даже товарищу Берии? Пусть лучше спокойно слушают Рахманинова. А роман пусть ожидает своего часа.

Б е р к о в . Слушаюсь.

Э р д м а н . Я вас не выгоняю, но у меня еще очень много работы.

Б е р к о в . Благодарю вас за совет, товарищ. Мне и самому так же казалось.

Эрдман протягивает ему руку, Берков почтительно ее пожимает.

Э р д м а н . А разговора нашего вообще не было.

Б е р к о в . Разумеется.

Э р д м а н . И я не существую. Я тот, кто не получил работу в здешнем ансамбле песни и пляски.

Б е р к о в . Так точно, но... эти пластинки... то есть... я должен их передать как можно скорей. Моя жена Наталья совершила глупость. Ужасную глупость. Она подружилась с иностранцем. А тот был — кажется — шпионом. Он уехал, а Наташе дали пять лет. Сейчас она где-то в районе Воркуты. Как говорят, поет в тамошнем театре. Без права переписки. А товарищ Шиваров сказал, что, если я достану пластинки, у него будет повод переговорить с товарищем Берией по ее делу. Для меня сейчас главное — время.

Э р д м а н . Кабинет №66.

Б е р к о в . Спасибо. *(Возвращается от двери.)* Я очень прошу простить мне мою смелость, но вы, товарищ, не могли бы тоже шепнуть пару слов товарищу Берии? Сами понимаете — артистка, легкомысленное существо, женщина, певица. И вдруг — пять лет. Нескладно как-то.

Э р д м а н . Да-да, понятно. Артистка есть артистка. А жена есть жена.

Б е р к о в . Вот именно, товарищ. Как вы прекрасно это выразили.

Э р д м а н . Боюсь, вы сильно переоценили мои возможности. Прошу извинить.

Эрдман выходит. Берков пытается заглянуть в бумаги, оставленные на столе. В боковых дверях появляется Шиваров.

Ш и в а р о в . Эх, Паша! Влезаешь как в хлев! Разве нельзя было снизу позвонить? Спросить?

Б е р к о в . Я звонил.

Ш и в а р о в . Да уж ладно. Принес пластинки?

Б е р к о в . Так точно.

Ш и в а р о в *(заметив отсутствие Эрдмана)*. А где?..

Б е р к о в . Кто?

Ш и в а р о в . Никто. Хороший ты мужик. Давай пластинки.

Б е р к о в . С запиской?

Ш и в а р о в . Нет необходимости. Ты мне симпатичен. Не хочу зря тебя мучить. Вот, читай.

Подает ему документ.

Б е р к о в . Что это?

Берков читает.

Ш и в а р о в . Копия. Даю тебе, чтобы знал, как я тебя ценю и уважаю. Это внутренний документ. Специально для тебя у начальника лагеря Барабанова выпросил.

Б е р к о в . Спасибо.

Ш и в а р о в . Сердечный приступ может везде случиться. В Москве так же, как в Магадане.

Б е р к о в . Но ведь она была в Воркуте.

Ш и в а р о в . Перевели ее.

Б е р к о в . А куда девался дьявол?

Ш и в а р о в . Ты что несешь? Эй!

Бьет его по лицу.

Б е р к о в . Он только что был здесь. Обещал помочь.

Ш и в а р о в . Берков! Ты себя нормально чувствуешь? Может, воды дать?

Б е р к о в . Нет, спасибо. Все в порядке.

Берков садится. Входит Правдин.

П р а в д и н . Пришел барон Штейгер.

Ш и в а р о в . Пусть подождет!

Б е р к о в . Товарищ следователь! Я не до конца уверен, но мне кажется, что минуту назад я открыл принцип вечного движения.

Затемнение.

«ПОРАБОЩЕННЫЙ РАЗУМ» В РОССИИ

Владимир Британишский, переводчик «Порабощенного разума», недавно выпущенного петербургским издательством «Алетейя», напоминает русскому читателю: «Книга вышла в 1953 году в Париже на польском и французском языках, в том же году появилось немецкое издание и несколько англоязычных (в Лондоне, в Нью-Йорке, в Торонто), чуть позже — испанское, итальянское, шведское. (...) В 1951 году, когда он начал писать “Порабощенный разум”, Милошу было сорок лет». Что правда, то правда: ныне автору книги уже на пятьдесят с лишним лет больше, на те же самые полвека повзрослел и Санкт-Петербург, отпраздновавший в мае 2003 г. свое 300 летие.

За это долгое время — когда произведение Милоша как бы молча дожидалось перевода на русский — умер Сталин, потом, после безнадежности брежневского периода, один за другим начали рушиться режимы в Центральной и Восточной Европе, и наконец рухнул сам Советский Союз. Книга вышла по-русски через 12 лет после обретения независимости и Украиной, накануне вступления Литвы и Польши в политические структуры Европы, в ситуации, когда новая Россия по-прежнему ищет своего места на карте мира.

Мицкевич, Милош и Достоевский

В противоположность своему любимому поэту Адаму Мицкевичу, Милош никогда не был в Петербурге. Но что из того, что автор «Пана Тадеуша» пребывал в столице Российской империи несколько раз, если города этого не полюбил? У него там было немало друзей, но город наполнял его тревогой. Он счел его питомником бесчеловечной империи: царь, приказав «Тут строиться мы будем!», «заложил империи оплот, / Себе столицу, но не город людям»:

...И славянин, в воинственном напоре,

Зачем в пределы чуждые проник,

Где жил чухонец, где царило море?

Не зреет хлеб на той земле сырой,
Здесь ветер, мгла и слякоть постоянно,
И небо шлет лишь холод или зной,
Наверное, как дикий нрав тирана.

(«Дзяды», «Отрывок» стихотворение «Петербург», пер.
В.Левика)

Когда я читаю эти строфы, мне сразу приходят в голову слова Милоша 80 х гг., которые я нашел в Париже в русском эмигрантском журнале «Континент»: «Я люблю русских, но не люблю России». Ибо Милош, хотя бы ввиду краев, откуда он родом, и языка своих произведений, был заведомо обречен отвергнуть принцип московско-петербургской империи, которая строила свою «органическую цивилизацию» на пожирании малых народов и соседних культур. Нелюбовь к «России» не мешала Милошу в плодотворных исследованиях творчества Достоевского и не оттолкнула его от дружбы с Бродским. Это общеизвестно — менее известно, что к переводу греческих книг Ветхого Завета, в частности Книги Премудрости Соломона, Милош приступил (как сам подчеркивает в «Саду наук») под влиянием чтения русских религиозных мыслителей, в первую очередь о. Сергия Булгакова.

Польша, Россия и «родимая Европа»

Мы помним, с какой ностальгией вспоминала в Литве Петербург Телимена из «Пана Тадеуша»: «О Петербурге я до сей поры жалею, / Воспоминания, что может быть милее» (здесь и далее пер. С.Мар (Аксеновой). Менее известно ее воспоминание о польском художнике, который жил в Петербурге, но сох от тоски по родине:

«Художник пан Орловский,
Артист, а вкус имел сугубо соплицовский, —
Тут пани прервала (Соплицам всем на свете
Милее прочих мест леса-дубравы эти). —
Орловский славился, гордилась им столица, —
Эскиз есть у меня, он в столике хранится!
Клянусь я маменькой, что в этой райской жизни

Орловский тосковал о брошенной отчизне,

С годами, кажется, любил ее все больше

И вечно рисовал приплоду милой Польши».

Русский переводчик «Порабощенного разума» снабдил перевод весьма ценной вступительной статьей, в которой стремится показать укорененность Милоша в малой «родимой Европе», в многокультурной Ковенской губернии, где родился, и Вильне, где возрастал и учился. Дед поэта со стороны отца был участником восстания 1963 г. и одновременно адъютантом Сигизмунда Сераковского. Британишский с явным удовлетворением пишет о помощи, которую оказали предку Милоша, спасавшемуся от палачей Муравьева-вешателя, русские старообрядцы: «Дед Милоша чудом избежал виселицы: русские старообрядцы из соседней деревни пошли на клятвопреступление, поклявшись, что их сосед за все время восстания не покидал своей усадьбы».

Литовцы вчера и сегодня

В последней главе «Порабощенного разума», озаглавленной «Балты», Милош приводит мнение анонимного «порабощенного ума»* по вопросу литовцев, латышей и эстонцев: «Если ты вечно будешь думать об этих своих балтах и о лагерях, то знаешь, что будет? — спросил меня в Варшаве мой друг, с недавних пор безоговорочно преклоняющийся перед диалектической мудростью Центра. — Ты доживешь свой век и станешь перед лицом Зевса, а он вытянет к тебе палец, — тут мой друг сделал грозный жест указательным пальцем, — и крикнет: Идиот! Ты потратил жизнь на глупости!» Я читаю эти слова в воскресенье 11 мая, то есть в тот день, когда Литва на всенародном референдуме решает, вступать ли ей в Евросоюз. Она с успехом — первой! — вышла из состава СССР, преодолела у себя коммунизм, но одолеет ли соблазн провинциальности и внесет ли в Европу свою старую многокультурность и терпимость времен Гедимины, Ягелло и Сигизмунда Августа?

Милош говорит об этой «родимой Европе» в Нобелевской лекции: «Прекрасно родиться в малой стране, где природа человечна и соразмерна человеку, где на протяжении столетий сосуществовали друг с другом разные языки и разные религии. Я имею в виду Литву, землю мифов и поэзии. И хотя моя семья уже с XVI века пользовалась польским языком, как многие семьи в Финляндии шведским, а в Ирландии английским, и в итоге я польский, а не литовский поэт, но пейзажи, а может быть, и духи Литвы, никогда меня не покидали. Прекрасно

слышать с детства слова латинского богослужения, переводить в школе Овидия, учиться католической догматике и апологетике. Благословен тот, кому дан был судьбой в школьные и университетские годы такой город, каким был Вильно, город причудливый, город барочной, итальянской архитектуры, перенесенный в северные леса, город, где история запечатлена в каждом камне, город сорока католических костелов, но и множества синагог, евреи в те времена называли его Иерусалимом севера».

Приведенный фрагмент целиком включен во вступительную статью к русскому переводу «Порабощенного разума».

«Порабощенный ум спустя годы»

Русский перевод сделан по изданию. краковского «Выдавництва литерацкого» 1999 г., к которому Милош прибавил два сформулированных в 1996 и 1999 г. мнения о том, как существовали «порабощенные умы» в ПНР. Жаль, что издательство не позаботилось об обращении поэта к русским читателям. Приходится удовлетвориться этими «польскими дополнениями», в которых Милош критически относится к мнению, согласно которому в сталинской Польше не было «искушения гегельянством», а те, что защищали идеалы партии, делали это лишь ради карьеры и денег. В подтверждение он приводит слова Анджея Валицкого, в 50-е гг. студента Варшавского университета, который в книге «Порабощенный ум спустя годы» (1993) проницательно описал это явление как зачарованность марксизмом у значительной части интеллигентской молодежи. Интересно, возбуждают ли сегодня интерес в Москве и Петербурге подобные вопросы, особенно по отношению к России?

Город хороших книг

Когда в начале 1993 г. я впервые приехал в Санкт-Петербург, еще недавно Ленинград, то прежде всего жаждал найти в нем магические места, связанные с Достоевским, Набоковым, Гончаровым — его Обломов снимал квартиру в Гороховой улице. Да, на той самой улице, которая в коммунистические времена носила имя Феликса Дзержинского, ибо здесь находилась первая резиденция печально прославленной ЧК. Но с этого первого пребывания я запомнил Петербург и как город хороших книг. Не все, что тогда в России издавали, можно было найти в Москве, за самыми лучшими книгами надо было оправляться в Петербург.

Годы спустя русские переводчики сами прислали мне в Краков две «польские книги», обе связанные с Петербургом. Первая — подарок Станислава Свяцкого, его перевод «Пана Тадеуша» (СПб, «Всемирное слово», 1998). Вторая и есть «Порабощенный разум» по-русски. Переводчик Владимир Британишский сделал на книге поразительно верную надпись: «Посылаю книгу Милоша, которая написана в 1953 г. на Западе и возвращается теперь, в 2003 м, с Востока в Польшу»... Лишь бы эти границы оставались всегда открытыми в обе стороны.

* В прошлом номере мы уже отметили, что более верным переводом заглавия было бы «Порабощенный ум». Не вступая в более основательный спор с переводчиком, отметим только, что, когда речь идет, как в данном случае, о применении данного термина к человеку, невозможно сказать о нем по-русски «порабощенный разум» — увы, только «ум». — Ред.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Юбилейные торжества в Санкт-Петербурге напомнили мне остроуту, которую я впервые услышал еще в школе: "Что самое интересное в Ленинграде? – Ну, конечно, Петербург". Обмен подобными остроутами был у нас не только обычным откликом на "социалистическую" действительность и своеобразным актом неповиновения – был он и ответом на абсурд официальной версии истории. А говорить было о чем, если у бабушки моей жены, родившейся в Петербурге в конце XIX века и учившейся там в гимназии, в графе "Место рождения" удостоверения личности было написано "Ленинград (СССР)". "Какой Ленинград? Какой Ленинград?" – беспомощно спрашивала она каждый раз и строго-настрого предупредила, чтобы в некрологе ее место рождения было указано правильно. Это, однако, не вышло: бдительная цензура 70-х не допустила публикации такого сообщения, вероятно, подрывающего военно-политические союзы и извечную польско-советскую дружбу. Так и вышло, что бабушка родилась там, где никоим образом родиться не могла.

Но значит ли это, что Ленинграда как нет, так и не было? Вопрос, кажется, ставится в весьма важном историческом контексте: в конце концов, история Ленинграда – не какой-то мелкий эпизод вроде истории Сталинограда, каковым именем на несколько лет одарили Катовице. История Ленинграда – это жизненный опыт миллионов людей, это определенная политическая реальность и, наконец, реальность литературная, культурная. Этого так легко не перечеркнуть, не вынести за скобки, с этим нужно померяться, тем более что как Петербург, так и Ленинград – место, имеющее значение не только в истории России, но и в истории Европы и всего мира.

"Провинциальный город Санкт-Петербург" – герой последнего (вышедшего с большим опозданием) номера лодзинского журнала "Тигель культуры" (2002, №10-12), озаглавленного так по напечатанной там статье Сергея Дамберга и Вадима Семенкова. Этот тщательно подготовленный номер предлагает читателю довольно богатый выбор современных петербургских авторов, а также ряд серьезных, всесторонне представляющих город-юбиляр статей. Трудно рассказать обо всех статьях, среди

которых есть замечательный исторический очерк Януша Тазбира "Карьеры в Петербурге", поэтому ограничусь только двумя, посвященными вопросам литературы. Элиза Малек в своей статье "О „петербургском тексте" польской литературы" пишет:

"У Санкт-Петербурга - Петрограда - Ленинграда - Санкт-Петербурга были свои польские певцы и критики. Число их литературных и паралитературных текстов, героем которых стал город, основанный Петром Великим, и его жители, не ограничивается чаще всего упоминаемым в этой связи „Отрывком" из 3-й части „Дзядов" Мицкевича. Однако до сих пор никто не пробовал ни собрать, ни сосчитать их. Какая-то часть панегириков вышла в сборнике „...на Октября алых цветах", но она не исчерпывает списка текстов, посвященных этому городу (по понятным причинам туда вошли только стихи и прозаические отрывки с более или менее красным оттенком). Прежде чем возникнет более представительная антология польского „петербургского текста", быть может, стоит произвести предварительную инвентаризацию произведений, посвященных (целиком или частично) северной столице России, и показать различные способы и возможности описания ее поляками. (...)

Авторство одного из самых ранних и самых обширных польских описаний только что воздвигнутого города под заглавием „Краткое описание города Петербурга и истории в нем anno 1720" приписывают писарю Великого Княжества Литовского Михалу Пузыне. Будучи членом посольства, он в течение нескольких месяцев имел возможность созерцать самые прекрасные и видные места новой столицы России, получившей это звание всего лишь за восемь лет до того, и пригородные резиденции Петра и его ближайших соратников. Чтобы сделать очевидным величие замысла и дела Петрова, Пузына напоминает, что было раньше на месте Петербурга, а затем описывает легендарный домик Петра, где царь чертил планы новой столицы".

Далее Э.Малек представляет избранные отрывки из все еще виртуальной антологии польского "петербургского текста", завершая их цитатой из романа Игоря Неверли "В минуты роковые".

Важной для польского (и, пожалуй, не только польского) читателя представляется статья Ольги Глукко "Петербургская школа поэзии". Автор пишет:

"Так называют нынешний круг Санкт-Петербургских поэтов. И хотя название это охватывает произведения весьма разных творческих индивидуальностей, оно свидетельствует об очевидной сплоченности этого круга, содержа в себе нечто, соединяющее их всех. Соединяет их, по-видимому, багаж жизненного опыта, который несла меняющаяся ситуация в стране, соединяет духовная атмосфера города с продолжающим звучать отголоском мифа, возникшего в XIX веке, и печатью последней войны, остро воспринимаемое сознание опасностей, грозящих интеллигентской этике, и еще одна черта, которую можно считать производной предыдущих, – особое отношение к слову. (...)

Поэзия, о которой мы хотим здесь говорить, не эпатирует хлесткими лозунгами или особыми формальными экспериментами – это поэзия по большей части приглушенная и по-своему включенная в сегодняшний день, она поднимает этические и мировоззренческие вопросы, важные для человека, пытающегося найти дорожные знаки в путанице путей и предлагаемых моделей жизни, содержит глубокие размышления о происходящих в стране переменах. В этой поэзии часто звучит мотив Петербурга – малой родины многих из этих поэтов.

Петербургские поэты тем более заслуживают внимания, что их поэзия, даже в периоды, более благожелательные к свободному слову, оставалась в тени той, что рождалась в столице. Так что если мы говорим о запоздалых публикациях, вызванных селекцией по идеологическим критериям, то эти запоздания больше затрагивали Петербург, нежели Москву. Творчество послевоенного петербургского поколения, входившего в течение независимой литературы, по-прежнему, как утверждал недавно скончавшийся Кривулин, малоизвестно в России".

После этого вступления Глукко публикует обширную подборку современной петербургской поэзии и завершает ее следующими замечаниями:

"Данная подборка поэтов Ленинграда-Петербурга наверняка не полна – не полна с точки зрения как имен, так и проблематики, определяющей неоспоримую ценность поэзии, пишущейся в городе на Неве. Не всё при этом удастся оправдать узкими рамками статьи: куда более важная проблема – доступность текстов. К польскому читателю они приходят в распыленном, чтобы не сказать фрагментарном виде".

В этой последней фразе высказана несомненная истина. И следует опасаться, что создавшаяся ситуация не только не будет способствовать переводам на польский русских писателей (в том числе, понятное дело, и петербургских), но вдобавок приведет к тому, что мы, вместо того чтоб самим знакомиться с самыми значительными явлениями этой литературы, будем – что в наших культурных отношениях выглядит абсурдно – пользоваться открытиями, разрекламированными на Западе, где-нибудь в Германии или во Франции. Конечно, обращение к молодым, менее известным, только вступающим в литературу авторам всегда связано с известным риском. Но без этого риска интеллектуальная жизнь оказывается в опасности застоя. Если уж мы обращаемся к этим новинкам, то всегда стоит создать себе надежную точку отсчета, каковой остается – вечно воспринимаемая заново – классика, в том числе и классика современности.

Именно так поступила редакция "Зешитов литерацих" ("Литературных тетрадей"). Последний номер этого ежеквартального журнала (2003, №3) тоже посвящен Петербургу. Особого внимания в нем заслуживает литературный путеводитель по городу, составленный из фрагментов классики. Цитаты из литературных текстов редакция снабдила содержательными и познавательными вдохновляющими примечаниями. В первом из них мы читаем:

"Чеслав Милош в интервью „Границы поэзии" („Газета wyborcza", 2003, №87, беседу вел Е.Миколаевский), ссылаясь на Льва Лосева, выводит начало „петербургской литературы" из творчества Адама Мицкевича: с его „Отрывком" из 3-й части "Дзядов" связаны описания города у Пушкина; эти фрагменты появляются в наших „Выписках". Исследователи вопроса признают за Мицкевичем хронологический приоритет; например, С.В.Бернацкий считает, что „Медный всадник" (1833), опубликованный во фрагментах в 1837 г., а целиком – в 1841-м, возник под несомненным влиянием Мицкевича, и констатирует, что таким образом сформировалась модель иронического восприятия города и некоторые тематические линии; в результате описание наводнения и некоторых мест [города] у Мицкевича повлияло на русскую литературу 1830-х и возникавший тогда „петербургский текст", особенно на „Невский проспект" Гоголя (1835) (...). Другие знатоки петербургской литературы, не подвергая сомнению первенство Мицкевича в постановке темы города, считают, что ему нельзя приписать роль создателя „петербургского текста", указывая, что Мицкевича читал по-польски только Пушкин, петербургская же литература возникла вне сферы воздействия

польского языка, главным образом под влиянием Гоголя и Достоевского, на творчестве которых влияние Мицкевича не сказалось.

В „Выписках" мы не идем по следу классического „петербургского текста", хотя приводим некоторых из его авторов. Мы старались создать наш собственный литературный путеводитель, приводя запомнившиеся нам описания города, в том числе и пера польских авторов, а из французов – маркиза де Кюстина".

Наряду с "Выписками" заслуживает внимания обширная историческая статья Эвы Зажицкой-Берар "Петербург – Петроград – Ленинград. Город с тремя именами". Вот фрагменты из нее:

"Историю города следует начать с истории народа, который столетиями жил в степях и лесах, пока царь-деспот и визионер не заставил его открыть море. (...) В начале царствования Петр Алексеевич отправился в большое путешествие по Европе, а вернувшись, решил включить свою страну в сообщество европейских держав – в XVIII веке это были государства, правившие морями. (...) Если Петр Великий действительно хотел вырвать своих сонных подданных из теплой утробы московских лесов (как говорит Иосиф Бродский), чтобы привить им предприимчивость и активность жителей морских городов, то можно сказать, что в Санкт-Петербурге он нашел идеальное место. (...) "

В 1712 г. царская семья и государственные учреждения переехали к Балтийскому морю. (...) Но старая Россия бунтовала против новаторских замыслов царя. Пошли слухи, что явился Антихрист в образе императора, его европейскую столицу клеймили как рассадник зла. В 1722 г. на стене Троицкой церкви появилась надпись: „Петербургу быть пусто!" (...) Нет, никогда Петербургу не быть пусто, никогда не поглотят его волны; он будет царить, ослепит все европейские дворы и получит от них почести – это произойдет благодаря Екатерине Великой.

Императрица родом из маленького немецкого княжества должна была 18 лет дожидаться, пока возьмет власть в свои руки: „Я сочла Россию за пробирный камень заслуг, думая, что тот, кому повезет в России, может быть уверен в успехе во всей Европе", – писала она. В борьбе за власть Санкт-Петербург был ее союзником. (...) "

С 1861 г. Петербург превратился в рассадник революционных движений. Руководившая ими интеллигенция обращалась то к

„молодому поколению", то к „народу" или даже к „рабочему народу" и наконец, с возникновением в конце века социал-демократической партии Струве, Плеханова и Ульянова, называемого Лениным, к „пролетариату". (...)

10 марта 1918 г. в полночь, всего через четыре месяца после штурма Зимнего дворца, на товарном вокзале царило лихорадочное оживление. Под охраной отборных латышских стрелков группа мужчин поспешно села в поезд с погашенными огнями, который тронулся в сторону Москвы. (...) Только один из высоких партийных чинов уклонился от „ретирады" – нарком просвещения Анатолий Луначарский. Это человек сентиментальный. Сам он назвал свое решение остаться с рабочими массами Петрограда самоубийственным, но был полон решимости „хоть немного смягчить горечь покинутой столицы" (...).

Петроград, бывший Петербург, уже не царит. Однако коммунистическое правительство, странным образом, о нем заботится. Различные специальные комиссии окружают охраной произведения искусства и архитектурные памятники, при этом спешно аннексируя их для нужд „новой культуры". (...)

На берегах Невы искусство и мысль будут всем обязаны исключительно себе, а не государству. В то время как наиболее амбициозная интеллигенция покинула Петроград и перебралась в Москву, а наиболее воинственные и дерзкие поэты устроились в тени Кремля, провинциальный Ленинград предавался игре слов и мысли, уже не имеющих власти. (...)

В конце войны Ленинград насчитывал 560 тыс. жителей – не слишком ли все еще много? В 1946 г. Жданов, вызванный в Москву, начинает кампанию против „космополитов". А где же могут скрываться „низкопоклонники перед Западом", если не на руинах Петербурга? (...) Два года спустя процесс „антипартийной фракции", первый такого рода после войны, ликвидировал партийные кадры, закаленные во время блокады. Музей обороны Ленинграда был разорен и закрыт, его директор арестован. А население все-таки увеличивалось: Невский проспект быстро заполнился новыми жителями, прибывшими из северных деревень. (...)

Лишенный своей истории, характера и амбиций, „город Ленина" выглядел смирившимся с „советизацией". Только немногочисленные проявления, такие, как стихи Иосифа Бродского или роман Андрея Битова "Пушкинский дом" – вышедшие в тамиздате, – позволяют в начале 70-х

догадываться, что на берегах Невы продолжает веять ветер Санкт-Петербурга. (...)

В июне 1991 г. ленинградцы (...) проголосовали за возвращение исторического названия. И даже если еще нельзя с полной уверенностью оценить влияние этого выбора на состояние тротуаров, он несомненно повлиял на гордость жителей. 20 августа 1991 г., на второй день путча, сто тысяч человек – в пять раз больше, чем в Москве, – собрались на площади перед Зимним дворцом по призыву своего мэра. Воинские части не были введены в Санкт-Петербург".